Голубые ангелы

Автор:
Чингиз Абдуллаев

Голубые ангелы

Чингиз Акифович Абдуллаев

Дронго #1

Эксперт – аналитик Дронго живет в ожидании телефонного звонка. Каждый день, каждый час. На этот раз его вызвали в США. Целая цепочка загадочных убийств и никаких следов. Но Дронго знает: преступник всегда оставляет следы, даже если он человек – невидимка…

Чингиз Абдуллаев

Голубые ангелы

Часть I

ВСТРЕЧА

Преступные организации, организующие торговлю и контрабанду наркотиков, располагают самыми современными техническими средствами, хорошо налаженной агентурной сетью и большим, разветвленным штатом исполнителей. Борьба с ними в современных условиях становится еще более тяжелой, чем раньше.

Из доклада Постоянного комитета экспертов по предупреждению преступности и борьбе с ней при Экономическом и социальном совете ООН

Белград. День первый

Самолет взял курс на Белград. Привычно гудели моторы, заглушая другие шумы. Пассажиры дремали в своих креслах. Приветливые стюардессы разносили чай, кофе, соки.

– Кофе, месье? – обратилась одна из них к пассажиру, сидевшему в третьем ряду.

– Да, пожалуйста. – Он кивнул головой, улыбаясь. Крепкий обжигающий кофе сейчас пьют не только на его родине, и он не видел причины отказываться от него здесь, далеко от родного города. Шарль Дюпре – так теперь его зовут. И это имя будет с ним в течение всего дежурства. Собственно говоря, региональные инспектора сменяются два раза в год – так изнурительна и невероятно тяжела их работа. «Больше не выдерживает практически никто, если, конечно, дотягивает до конца срока, – подумал Дюпре. – Из пяти региональных инспекторов, дежуривших до меня, только двое вернулись домой. Что за проклятый сектор „С-14“!» Вот и сейчас он летит на место раньше времени. Дюпре вспомнил – в шифровке особо обращалось внимание: посланный до него региональный инспектор с двумя помощниками исчез и до сих пор не подает никаких известий, что категорически запрещено уставом.

Он достал паспорт. С фотографии на него смотрело лицо молодого человека лет тридцати – тридцати пяти. Округлый подбородок, добродушные карие глаза, модная прическа делали его меньше всего похожим на суперагента, которым, в сущности, он никогда себя не считал.

Люди, подобные ему, всегда избегали громких фраз, как не любили вообще много говорить, потому что сама работа не располагала к словоблудию, но, когда они возвращались домой, наступал феномен «реанимации», как его шутливо называли инспектора. Дюпре дежурил уже дважды, правда, в других квадратах, но каждый раз, возвращаясь домой усталый и счастливый, он, как и другие, не хотел быть один. Потребность простого человеческого общения,

когда не надо лгать и изворачиваться, хитрить и приспосабливаться, быть предельно внимательным и настороженно следить за своими собеседниками, была так велика, что ее не могло заглушить даже огромное чувство усталости.

Шарль помнил свое первое дежурство. Новичков, как правило, не посылали в трудные районы, понимая, сколь сложна будет такая работа даже для профессионалов, очутившихся в незнакомой обстановке. Обычно инспекторам давали двух-трех помощников для более успешного ведения дел. Но тогда, в первое его дежурство, помощников у Дюпре не было – район считался спокойным и тихим. Если не считать двух-трех «мелких происшествий», можно было докладывать, что первое дежурство прошло спокойно. Во всяком случае, в своем отчете он так и указал, «забыв», что во время этих «мелких происшествий» он был ранен в кисть левой руки. Подробности своего ранения Дюпре предпочитал не вспоминать, но региональный комиссар, узнавший об этом (до сих пор Шарль не знал, каким образом), сделал ему замечание за излишнюю горячность. Второе дежурство было куда более трудным, но на этот раз все обошлось благополучно, хотя эти шесть месяцев были не самыми лучшими в жизни Дюпре. И вот третье дежурство. Сектор «С-14». Когда он узнал об этом, прочитав шифровку, почувствовал гордость. Туда посылали только самых подготовленных, самых опытных. Одним из двух вернувшихся из этого ада был сам Зигфрид Мельцер, ныне региональный комиссар в Северной Америке. И вот теперь его очередь.

Значит, будем работать, привычно подумал Шарль. Люди, посвятившие себя этому опасному делу, подобно Дюпре, не думали о наградах; сама жизнь без приключений казалась им пресной и скучной. Едва вернувшись с задания и не успев толком отдохнуть, они снова тянулись туда, где опасности заставляли сжимать нервы в пучок, где жизнь так бешено пульсировала и не очень дорого стоила. Это не было парадоксом. Подобно наркоманам, раз вкусившим «прелесть» небытия, подобно альпинистам, раз покорившим вершину, они снова и снова отправлялись в неведомое, потому что чувствовали – иначе они уже жить не могут. Человек, по-настоящему полюбивший хоть раз в жизни, не сможет жить без любви. Человек, однажды задышавший полной грудью, не сможет дышать вполсилы. Человек, испытавший силу жизни на краю пропасти, должен постоянно ходить по этому краю, утверждаясь в собственных силах и увлекая своим примером других.

Так и Дюпре. Смысл своего существования он видел в этой жизни, полной неведомой прелести и очарования. Он, вот уже двенадцать лет рискующий

жизнью сначала в органах контрразведки своей страны, затем в рядах «голубых», не мог и представить, что бы делал, не будь вдруг этой работы.

Их немного. Совсем мало. Но они всегда идут и побеждают. На смену одному приходит второй, третий, четвертый… Даже ценой жизни, но они торжествуют в споре со своими убийцами потому, что их сменяют другие. Они защищают правое дело и потому всегда побеждают. Но победа достается им нелегко. Слишком часто в страну, где они живут, в город, где их ждут, приходит короткая записка: «Примите соболезнования», слишком большую цену платят «голубые ангелы» и сотрудники Интерпола. И слишком дорогая плата – их собственные жизни – становится безмерно малой величиной в сравнении с безопасностью всего человечества.

«А все-таки „С-14“, – вспомнил Дюпре. – Гордость гордостью, – вздохнул он, – но жизнь, что ни говори, совсем неплохая штука, и отдавать ее просто так не особенно-то хочется».

«Наш самолет идет на посадку. Желаем вам всего хорошего», – объявила стюардесса на нескольких языках, и в салоне сразу наступило дружное оживление. Пассажиры заулыбались, задвигались, защелкали ремнями, стали перекладывать газеты, журналы, книги в свои сумки. Яркое солнце било в иллюминаторы, и мягкий желто-голубой солнечный свет разливался по салонам самолета. Дюпре щелкнул ремнями. Самолет, плавно снижаясь, пошел на посадку.

Белград. День второй

Все гостиницы имеют свой специфический запах, который остается в сознании на всю жизнь. Запах крахмала, которым пахнут простыни и наволочки, запах старых линяющих ковров и что-то неуловимо напоминающее запах моли и старой древесины.

Порой можно ощутить терпкий запах человеческого тела. Но если каждый дом имеет свой, особый, неповторимый аромат, то здесь, в гостинице, кажется, и люди одинаково пахнут.

Дюпре занимал 1409-й номер в гостинице «Сербия». Ему давно нравилась эта гостиница. Во-первых, она стояла несколько в стороне от оживленного центра; во-вторых, автобусные остановки были рядом с гостиницей; в-третьих, здесь всегда бывали туристические группы, которые менялись почти ежедневно, и одно чье-то лицо нельзя было сразу запомнить; в-четвертых, с этой гостиницей у Дюпре были связаны и личные приятные воспоминания.

Однако сейчас было не до воспоминаний. Он живет здесь уже второй день и не получает пока никаких указаний. Вчера вечером он снова побывал у Народного музея, но безрезультатно. Сегодня он пойдет в третий раз и снова, как и вчера, в восемь вечера будет ждать своего связного. Это была еще одна трудная часть их работы – умение ждать. От нее зачастую зависело очень многое, и Дюпре никогда не торопил время. Телефонный звонок вывел его из задумчивости.

– Господин Дюпре? – послышалось в трубке.

– Да, – помедлив, подтвердил он.

– Вас беспокоит портье. Пожалуйста, спуститесь вниз. Вас здесь ждет один человек.

– Меня? – удивленно переспросил Шарль.

– Да, господин Дюпре.

– А… Сейчас спущусь… – «Странно, очень странно. Кто еще меня может здесь ждать?» – подумал Шарль, вставая с кровати. Затянуть галстук и надеть пиджак было делом одной минуты. Дюпре уже взялся за дверную ручку, когда ему показалось, что в коридоре слышен какой-то шорох и чьи-то быстрые шаги. Он неслышно отступил назад, тихо взял туфли и, бесшумно приставив стул к краю двери, взобрался на него, стараясь встать так, чтобы в любом случае суметь отскочить в комнату.

Над дверью была стеклянная перегородка. Почти все номера в гостинице были такими. Дюпре неслышно прильнул к окну, успев за какие-то доли секунды осмотреть коридор. Буквально в трех метрах от него двое мужчин, подняв пистолеты, целились ему в лицо. Его реакция оказалась безупречной. Он был уже на полу, когда осколки стекла посыпались ему прямо на голову. «Вот

подонки, – невесело усмехнулся Шарль, – профессионалы. Стреляют с глушителями, чтобы ничего не было слышно». Раздалось еще несколько сухих щелчков – очевидно, на этот раз они решили изрешетить дверь.

«Интересно, что я буду делать, если они попытаются войти, – подумал Дюпре. – Оружия-то у меня нет».

Но за дверью было тихо. «Так, – размышлял Шарль, – значит, они пока не знают, что у меня нет оружия, и боятся войти. А может, убрались. Вряд ли. Пока не увидят труп, не уйдут. – Он приподнял голову. – Что ж, начало великолепное. Кажется, это только завтрак, а обед мне еще предстоит». Дюпре пополз к телефону и набрал номер.

– Да, – послышался голос.

Уже услышав голос, Шарль мог бы со спокойной совестью положить трубку – это был явно не голос первого «портье», но он решил на всякий случай проверить все до конца.

– С вами говорят из 1409-го номера. Моя фамилия Дюпре. От вас звонили ко мне в комнату минут пять назад?

– Из 1409-го? Сейчас проверим. Нет, господин Дюпре, вам никто не звонил.

– Спасибо. Пришлите ко мне, пожалуйста, горничную. – Он положил трубку. Ну что ж, этого и следовало ожидать. Увидев постороннего, они уберутся. Это не в их интересах.

Но кто они и откуда узнали его фамилию и место пребывания? Налицо явная утечка информации. Явная. Как бы там ни было, сегодня ему обязательно надо быть у Народного музея. А может, использовать резервный канал связи? Рука Дюпре потянулась к телефону. Нет. Надо выяснить до конца с первым вариантом, а резервный на крайний случай.

Чьи-то шаги в коридоре. Кажется, женские. Идет спокойно. Остановилась у дверей. Так, вроде бы ругается. Она, наверно, думает, что я от нечего делать сломал перегородку и искромсал дверь. Теперь надо спокойно открыть ее.

Наверняка те двое уже убрались. Он взялся за ручку двери, прислушался. Тишина, только ворчанье старой горничной. Дюпре рывком отворил дверь, отступая в глубь комнаты. Женщина, явно не ожидавшая этого, на секунду умолкла, уставившись на Дюпре. Ничего не поделаешь. Шарль рывком притянул женщину к себе. Та попыталась закричать, но уже через мгновение носовой платок Дюпре сделал эту попытку абсолютно бесперспективной.

– Я извиняюсь, – чудовищно путая слова, произнес по-югославски Дюпре, связывая разорванной простыней руки горничной. – «Хорошо еще, что она старая, а то бы подумала, что я пытаюсь ее изнасиловать», – невесело подумал Шарль. Но в любом случае неприятностей с югославской полицией у него теперь будет хоть отбавляй.

Он окинул взглядом комнату, бережно перенес женщину на кровать, еще раз извинился и тихо вышел из комнаты. Несколько осколков упали по ту сторону двери. Он осторожно сгреб их ногой в комнату и захлопнул дверь. С собой он взял только маленький чемоданчик. «Умение расставаться быстро со своими вещами – тоже привилегия агента», – вспомнилась одна из заповедей их школы. В коридоре ни души. Дюпре, осторожно озираясь, направился к холлу. Внезапно в конце коридора кто-то появился. Один, нет, двое, трое, пятеро. Шарль перевел дух. Туристическая группа. Женщины, дети. Теперь по лестнице вниз, и как можно быстрее. Выйти надо, конечно, из запасного выхода – он знает здесь все ходы и выходы.

Кажется, вышел. Все в порядке. Берем немного правее. Здесь киоск. Спокойнее. Покупаем газету. Пока ничего необычного. Вон, кажется, такси. Что-то очень вовремя оно появилось. Пропустим его. Вот второе. Нет, нет, оно буквально следом за первым. Времени нет, а торопиться не надо. Так, а вот это уже наше. Остановим.

– Куда поедем? – спросил пожилой белградец.

– В Чукарицу, – сказал Шарль, делая неправильное ударение.

Шофер, вздохнув, включил зажигание. Машина двигалась по улицам довольно неторопливо. Дюпре успел уже освободиться от большинства своих бумажек, а некоторые наиболее важные он переложил в саквояж, настроив его на «уничтожение». Чемоданчик был хитро устроен. Если кто-то чужой попытается

открыть его, не зная цифрового кода, он моментально воспламенится и все документы, находящиеся в нем, будут уничтожены.

Машина плавно затормозила у большого серого здания.

– Чукарица, – равнодушно произнес шофер, не оборачиваясь.

– Спасибо, – по-немецки поблагодарил его Дюпре и, уплатив по счетчику, быстро вышел из машины. «Кажется, югославская полиция хоть на время потеряет мой след, – подумал он. – Здесь должен быть проходной двор». Вот он. Хорошо. Быстро в ту сторону. Удача. Чья-то попутная машина показалась из-за угла. Шофер резко тормозит.

– Площадь Теразие? – говорит довольно чисто Дюпре, показывая в сторону.

– Садись, – охотно предлагает автолюбитель. Шарль плюхается на сиденье.

– Быстрее, быстрее. – Это единственные слова, которые он может произнести без акцента. Если этот автомобилист окажется болтуном, все пропало. Нет, кажется, молчит. А если заговорит? Дюпре стал искать носовой платок. Придется делать вид, что у меня насморк. Черт побери. Носовой платок-то остался в номере. Ну ничего, там остались еще несколько моих грязных сорочек и старая щетка. Жалко, конечно, щетки, но когда на одной чаше весов твоя жизнь, а на другой щетка с грязным бельем, выбирать не приходится. Ни одни весы в мире не сохранят равновесие при таком неравномерном распределении.

Машина сворачивает мимо главного вокзала к площади Теразие. Отсюда совсем недалеко до Народного музея. Щедро расплатившись с водителем, Дюпре выходит на площадь. Кажется, слежки нет. До восьми еще две минуты. Связник будет ждать пять минут и ни минутой больше. С букетом красных гвоздик. А ведь может привлечь внимание. Еще есть несколько минут в запасе.

Уже подходя к музею, Дюпре увидел небольшую толпу, стоящую на площади Республики. «Что там?» – поинтересовался он у бородатого парня с тетрадками под мышкой, очевидно, студента. Хорошо еще, что этот бородач оказался интеллектуалом и охотно все объяснил. Хотя нет, скорее показал. Стоял человек мирно, никого не трогая, и вдруг автомобиль, трах-та-ра-рах, и… нет человека. Какие-то ненормальные, покрутил у виска бородач, а сами убежали. Это же

надо, сбили человека и сбежали.

Дюпре перевел взгляд на тротуар. Тело уже было прикрыто простыней, но рассыпавшийся букет ярко-красных гвоздик выделялся кровавыми пятнами на белой мостовой. Шарль понял, что опоздал.

Париж. День третий

Утренний Париж совсем не похож на ночной. Он уже слышал эту фразу, но только теперь сумел убедиться в ее справедливости. Уставшие, недовольные лица, все куда-то спешат, торопятся, не слышно смеха, не видно радостных, оживленных лиц. Большинство баров закрыто. В эти утренние часы Париж живет жизнью многомиллионного города, занятого своими проблемами и тревогами. Чем-то он напоминает красавицу, проснувшуюся утром после ночного кутежа. Она с удивлением обнаруживает, что уже второй час дня, что сегодня она спала одна и что, наконец, давно пора вставать. Красотка вскакивает с постели и подходит к зеркалу. Опухшее после кутежей и лишенное всякой косметики лицо, небрежно наброшенный халатик, растрепанные волосы – нет, это не та женщина, которая вчера очаровывала мужчин. Но уже через несколько часов она приведет себя в порядок и будет блистать в обществе. Волосы будут уложены в элегантную прическу, наряды будут великолепны, косметика как нельзя кстати – мужчины будут снова безумствовать и сходить из-за нее с ума. Но это будет потом, вечером. А сейчас – сейчас она стоит перед зеркалом и замечает морщины под глазами, немного опавшие щеки, уже начинающий появляться второй подбородок и потерявшую упругость грудь. Так и Париж. Он будет очаровывать своих гостей ночью, он заставит их влюбляться и совершать безумства, но днем он живет жизнью типичного миллионного города, и гость, случайно попавший в этот ранний час на его улицы, недоуменно может оглянуться по сторонам и не сразу понять, где Париж. Но Париж все-таки остается Парижем, а красотка, даже лишенная всякой косметики, все-таки красоткой. И утренний Париж, лишенный части своей косметики, все-таки тот самый Париж, который очаровывает, восхищает, радует и поражает.

Он огляделся вокруг. «И все-таки я дышу воздухом Парижа», – почему-то подумал он и засмеялся. Редкие прохожие, оборачиваясь на него, тоже улыбались. «Париж, – снова подумал он, – я хожу по его улицам и трогаю эти

камни, прикасаясь к чему-то неведомому и прекрасному, что волнует душу и будоражит кровь. По этим улицам ходили великие поэты и писатели. Этим воздухом дышали великие живописцы и архитекторы. Здесь они радовались и горевали, влюблялись и отчаивались, жили и умирали. Само слово „Париж“ имеет такое магическое звучание, такую необъяснимую прелесть, что заставляет мечтательно улыбаться даже седых мужчин и подергивает романтической дымкой глаза молодых девушек».

Он стоял на площади Де Голля. Справа, у самых берегов Сены, виднелась Эйфелева башня, не менее знаменитая, чем город, где она построена. Перед ним была воспетая Триумфальная арка и знаменитые Елисейские Поля. А там! Достаточно было пройти прямо, не сворачивая, и можно было увидеть Большой и Малый дворцы, и выйти на площадь Согласия, и побывать на знаменитой улице Риволи, посмотреть Лувр, Пале-Рояль, Сен-Жерменскую церковь, «Комеди Франсез» и сад Тюильри.

Он грустно усмехнулся. В его распоряжении всего три часа. Прибыв сегодня утром, впервые в своей жизни он вынужден довольствоваться лишь беглым осмотром города. Самое обидное, думал он, что никогда и никому не расскажешь о своей поездке в Париж. А может, это и к лучшему. Рассказывать будет практически нечего. Он не успел даже перейти на тот берег Сены и побывать в районах Латинского квартала и Монмартра, посмотреть Люксембургский сад. Да разве увидишь Париж за один день! «Чтобы познать Париж, не хватит всей жизни», – вспомнил он чью-то фразу, поднимая руку. Такси плавно остановилось у тротуара.

– Монмартр, – сказал он, показывая водителю в сторону. У него есть еще немного времени, и он просто не мог удержаться, не проехав хотя бы по Монмартру.

– Монмартр, месье? – переспросил улыбающийся француз. Он закивал головой, ведь карту Парижа все-таки сумел достать. Вот наглядное преимущество нашей работы, вздохнул он. Не успеваешь пересесть с одного самолета на другой и весь город видишь из окон машины, которая мчит тебя напрямую между двумя аэропортами.

– И как можно медленнее в район Монфермея, – попросил он шофера по-английски. Француз, поняв, что перед ним иностранец, любующийся его городом, довольно улыбнулся и повернул направо.

За окнами мелькали районы Парижа – Обервилье, Бобиньи, Ле-Павиньон. Машина въехала в Монфермей. Мигель не отводил взгляда от окон. Это был его первый самостоятельный выезд за границу, и он, страшно довольный, немного очумевший от счастья и напряжения, время от времени потными руками ощупывал карман, проверяя, на месте ли бумажник с документами. Пистолет, выданный ему два часа назад связником, был предметом его особой гордости. Еще бы – теперь он помощник регионального инспектора. И это в его возрасте. До этого он лишь дважды бывал за границей, да и то для участия в технических операциях. И вот – самостоятельная работа. Он сумел пройти немыслимый отбор и попасть в число «ангелов». Настоящее его имя знали только несколько человек у него на родине и региональный комиссар.

Мигель Гонсалес, служащий, 25 лет. Работник одной из парагвайских компаний. Холост. Эти скупые данные были сообщены таможенной службе Франции, куда этот скромный коммивояжер прибыл в качестве гостя.

– Монфермей, – повторил уже в третий раз шофер. Мигель очнулся от своих мыслей и, уплатив по счетчику, вылез из машины. Теперь только бы не спутать. Вот там, кажется, у того дома, его должны ждать. Так и есть. Машина стоит у дома.

Голубой «Форд». Мигель чертыхнулся. Вот что-что, а в марках машин он до сих пор плохо разбирался, хотя, конечно, грузовик от легковой машины отличал. Кажется, номер совпадает. Она. Мигель подходит с левой стороны и садится сзади шофера. Тот молча, только взглянув в заднее зеркало, трогает с места.

Первые пять минут Мигель еще пытается уяснить, куда они едут, но на шестой понимает всю бессмысленность своего наблюдения. Места совершенно незнакомы. Машина делает столько поворотов, что и не уследить. Наконец они останавливаются у какого-то дома.

– Выходи, – показывает рукой шофер.

– Спасибо, месье, – по-французски произносит Гонсалес, заходя в дом.

В передней темно, абсолютно ничего не видно.

«Сейчас меня ударят по голове, и мой холодный труп найдут в Сене», – успевает, улыбаясь, подумать Мигель, когда зажигается свет и слышится голос: «Идите наверх».

Гонсалес поднимается на второй этаж. Большая коричневая дверь. Войдем, решает Мигель и входит в комнату.

За столом сидит улыбающийся розовощекий мужчина лет пятидесяти. На нем серый полосатый костюм и ярко-красный галстук. Круглые глазки на лице постоянно двигаются, кажется, он весь излучает энергию, так беспокойны и нервозны его движения.

– Мистер Гонсалес, ну наконец-то, – машет он руками, вставая. – Входите, входите, давно вас ждем. – Мигель, осторожно ступая по мягкому ковру, успевает отметить роскошную обстановку и отвечает на рукопожатие.

– Прошу вас садиться. Курите, – предлагает розовощекий.

«Вот старый хрыч, – подумал Мигель. – Ведь знает отлично, что я не курю. И наверняка ведь знает мои любимые сны».

– Не курю, – отвечает он односложно. Разговор идет на английском, и Мигель вынужден отвечать коротко.

– Да, я знаю, – переходит на испанский розовощекий и с улыбкой кивает головой, – совсем забыл. – Врешь небось, улыбается Мигель, это тоже входит в проверку, знаем мы вас, «забывчивых». Попробуй возьми сигарету – скажут, нет силы воли, собеседник навязывает ему свою.

– Господин Гонсалес, не будем терять времени. Ваш региональный комиссар, – начинает розовощекий, – рекомендовал вас в качестве помощника регионального инспектора в сектор «С-14». Этот район вам еще не знаком. Предупреждаю, сектор повышенной сложности, но ваши отборочные критерии дают нам возможность поверить в вас. Вы довольно неплохо владеете оружием, у вас даже некоторое превышение интеллекта в средней массе наших работников, но, к сожалению, физическая сторона еще оставляет желать лучшего. Вам надо обратить на нее самое пристальное внимание, Гонсалес, самое пристальное. Здесь ваша подготовка несколько хромает.

Гонсалес наклоняет голову, соглашаясь с собеседником и чертыхаясь про себя: «Что, этот тип преподаватель физкультуры, что ли?»

– И все-таки выбор пал именно на вас. Вам предстоит еще одно, последнее, испытание, особо отличное от других. Подчеркиваю, последнее и особое.

– Я готов. – Мигель пробует встать, но толстячок машет руками.

– Сидите, сидите. Это испытание последнее, но самое серьезное. Сейчас вам заменят ваши боевые патроны на холостые и дадут три часа времени. В течение этого небольшого срока вы обязаны принести сюда более миллиона новых франков.

– Откуда принести? – Мигель предельно сосредоточен. Розовощекий улыбается, как старый добрый папаша.

– В том-то и задача, что этот миллион вы добудете сами. Предупреждаю: вы не имеете права никого убивать, не имеете права наносить физическую или психическую травму. Вся задача как раз и состоит в том, что вы принесете сюда деньги, опираясь исключительно на свой… интеллект. Ну, а пистолет вам лишь для защиты. Предупреждаю: если в процессе своей операции вы совершите незаконные действия и вас арестует французская полиция, вы будете наказаны в соответствии с законами этой страны и не должны рассчитывать на нашу помощь. Подчеркиваю: вы обязаны молчать о своей задаче, что бы с вами ни случилось. Деньги будут возвращены их законным владельцам. Предупреждаю еще раз: никакого ущерба – даже морального. Вы все поняли?

– Ничего не понял. – Гонсалес привстал с кресла. – Принести миллион новых франков через три часа, никого не убивая, не грабя, не крадя и даже не пугая. Так?

– Так.

– Ну и как это возможно?

– Вот это уже ваше дело, мистер Гонсалес. Мой вам совет: не принимайте необдуманных решений. От этого испытания зависит, полетите ли вы в район «С-

14» или нет. Действуйте. А вашим провожатым поедет наш человек. Вы с ним знакомы, он привез вас сюда. Он француз и поможет вам сориентироваться в городе. Кроме того, он удержит вас от необдуманных поступков. Счастливого пути.

Мигель пожал маленькую руку и, попрощавшись, вышел. В голове у него царил полный туман.

* * *

Через полтора часа Гонсалес и его молчаливый спутник входили в тот же дом. Снова темная передняя комната, снова тот же голос: «Идите наверх». Наверно, магнитофон, подумал Мигель. Розовощекий сидел за столом.

– Входите, входите… Я всегда опасаюсь, мистер Гонсалес, когда посылаю ребят на такие задания, как бы они по молодости не наделали глупостей. Знаете – молодые, горячие, хотят отличиться. Ну вот и… К сожалению, не всегда все хорошо кончается. Мы, конечно, делаем все возможное, чтобы избежать последствий этих инцидентов, но не все в наших силах. Считайте, что вам повезло. Если даже вы, не выполнив задания, возвращаетесь в установленный срок и докладываете о невозможности его выполнения, мы ставим вам проходной балл. Ваша честность сродни храбрости, если хотите. Садитесь, садитесь, мистер Гонсалес. Вы, конечно, поняли, что это задание невозможно выполнить, и вернулись сюда даже раньше намеченного срока. А это? Это что за чемоданчик?

– С деньгами. – Мигель улыбнулся.

– С какими деньгами? – спросил собеседник Гонсалеса, и его круглые глаза удивленно уставились на Мигеля.

– С вашими. Вот. – Мигель раскрыл чемоданчик и высыпал из него целую груду колье, ожерелий, брошек, жемчуга, колец. – По-моему, здесь больше чем на миллион. Я, конечно, понимал, что нужно деньгами, но я боялся не успеть все это продать. У меня могло не хватить времени.

Сзади раздался стук открываемой двери. Мигель обернулся. Высокий мужчина в темно-синем костюме подошел к столу. Молча оглядев Гонсалеса и его спутника, он взял один из браслетов, осмотрел его со всех сторон, коротко бросил «настоящий» и повернулся к Мигелю. Большая седая голова и резкие черты лица сразу привлекали внимание.

– Каким образом? – спросил он.

– Очень просто. – Мигель почувствовал, что перед ним важная особа, может быть, сам региональный комиссар, и, не впадая в подробности, коротко ответил: – Из ювелирного магазина.

– Да, сэр, – подтвердил его молчаливый спутник.

– Но вас же предупреждали, что вы не имеете права никого грабить, даже пугать. Понимаете: даже пугать. И вы, Мишель, тоже виноваты. Как вы могли такое допустить? – закричал пришедший в себя розовощекий, вскакивая из-за стола.

– Он и не пугал, месье, он… просто…

– Как это – просто, вот это – просто?.. – закричал, хватаясь за голову, розовощекий.

– Помолчите все, – сурово бросил высокий, – говорите, – обратился он к Гонсалесу. – Я вас слушаю.

– Я выбрал первый попавшийся ювелирный магазин и узнал фамилию комиссара их района. Барианни. Мишель позвонил по телефону и потребовал хозяина. Я ему и сказал, от имени Барианни, конечно, что сейчас магазин подвергнется грабежу. Грабить будут два известных гангстера, за которыми он, Барианни, уже несколько месяцев охотится. Как только гангстеры выйдут, мы их арестуем, сказал я и потребовал от хозяина, чтобы грабителям не оказывали никакого сопротивления во избежание ненужных жертв. Через пять минут мы вошли в магазин. Хозяин выполнил все в точности. Он не только не испугался, но, по-моему, даже подсмеивался над нами. Точно так же вели себя и его работники. Кажется, ситуация их даже забавляла. Им всем очень нравилось, что нас сейчас схватят, и мне кажется, они положили в наш саквояж куда больше ценностей,

чем на миллион. После этого мы спокойно вышли и уехали. А хозяин остался ждать комиссара Барианни. Как видите, условие мы выполнили – никого не ограбили и никого не напугали. Вы можете позвонить сейчас хозяину и сообщить от имени комиссара Барианни, что преступники схвачены. Вот и все. Их даже позабавит эта история, и они еще будут вспоминать об этом с улыбкой, не зная, конечно, что грабили их всерьез.

В комнате наступило молчание. На этот раз куда более продолжительное. Наконец высокий встал и, подойдя к Мигелю, крепко пожал ему руку.

– Мы вас даже недооценивали, Гонсалес. Молодцом. Блестяще справились с заданием. Готовьте документы, я подпишу, – обратился он к розовощекому. – А за вас, Мигель, я спокоен. Теперь спокоен. Такой человек нигде не пропадет.

Мыс Санта-Мария-де-Леути

Италия. День четвертый

Холодный ветер и мелкий противный дождь пронизывали все живое на мысу. Солнце, спрятавшись за тучами, почти не освещало этот мрачный край. Большие серые волны с грохотом обрушивались на берег. На мысе было довольно холодно, и Мигель, стоявший в одном плаще, основательно продрог.

После Парижа здесь чертовски холодно и неуютно, думал он. А мне говорили, что это солнечный мыс. Такая погода чем-то напоминала ему его родину… Выросший на берегу моря, он не любил большое скопление воды и практически не выносил морских прогулок. Теперь при одной мысли о предстоящей поездке его начинало мутить, и Мигель с ужасом думал, что с ним будет там, на море.

А здорово я все-таки взял магазин в Париже, попытался придать своим мыслям радужное настроение Гонсалес и почувствовал, как улыбается. Честное слово, таким способом можно зарабатывать на жизнь, когда меня выгонят с работы. Выйдя тогда из дома со своим молчаливым спутником, он около тринадцати минут размышлял, что делать, как достать деньги. Позже ему сообщили, что почти все возвращались безрезультатно, но были некоторые, наиболее

отчаянные, а один даже разбился насмерть, пытаясь взобраться безо всяких технических средств на мемориал Помпиду и этим привлечь зрителей и телевидение, которые заплатят ему за этот трюк и дадут возможность принести пятьдесят тысяч франков. Тогда еще пятьдесят тысяч. Сумму после этого увеличили сразу в двадцать раз, а с испытуемым посылали теперь обязательно контролера. Чем быстрее возвращался агент, осознавший всю нереальность данной задачи, тем бывало лучше. Хотя, говорят, случай Мигеля лишь третий. Значит, двоим до него удался какой-то трюк. Во всяком случае, не его, это точно, иначе эти двое не были бы так изумлены. Гонсалесу очень хотелось узнать, каким образом двое других достали деньги, но он благоразумно промолчал. Вопросы не задавались в их ведомстве. Они оставались всегда без ответа.

Вдали послышался треск мотора, доносившийся из-за грохота прибоя. Показался маленький катер.

Сейчас его перевернет, злорадно подумал Мигель, и мне не придется ехать в эту адскую погоду на его борту. Но катерок довольно уверенно маневрировал и скоро подошел почти к самому берегу. На палубе появился высокий черноволосый парень в кожаной куртке.

– Это не вы ждете посылки от Рихтера? – закричал он по-английски.

– Я, – кивнул головой Мигель, – уже две недели. – Для чего нужен здесь такой идиотский пароль, непонятно. Кто еще может торчать тут в такую погоду, подумал Гонсалес, но промолчал.

– Давайте сюда, – скомандовал черноволосый.

– Каким образом? Я не умею плавать в плаще. Я вообще плохо плаваю.

– Тьфу! Какого же черта мы заехали за вами?

– Ну, вам лучше знать. Я, во всяком случае, не… – Мигель замялся, ища английские слова, – …жаждал быть вашим гостем.

Черноволосый что-то пробурчал про себя, затем исчез в глубине катера. Через минуту он снова появился. В руках у него был страховочный конец.

– Ловите.

Канат шлепнулся на берегу, рядом с ботинками Гонсалеса.

– Обвяжитесь и давайте побыстрее.

– Очень удобная транспортировка. – Мигель еще пробовал шутить, но при мысли, что сейчас придется лезть в ледяную воду, его бросило в дрожь. – Я не люблю купаться в такую погоду, но если вы настаиваете… – закричал он.

Черноволосый что-то пробормотал про себя.

– А вот ругаться не следует. Я, может быть, не так хорошо понимаю по-итальянски, но на других языках я отлично выражаю свои мысли и чувства.

– Полезай быстрее, кому говорят! – заорали с катера.

– Ну, если вы так настаиваете. – Мигель зажмурил глаза и прямо в плаще и туфлях полез в воду. Все, подумал он, простуда обеспечена. Он пробарахтался в воде не более минуты. На палубе появился второй человек, пониже ростом, но тоже в куртке, коренастый, с большой седой бородой, и, взявшись за конец веревки вдвоем с черноволосым, они быстро вытащили Мигеля из воды.

– Мне полагается специальная надбавка за вредность, – пробормотал Гонсалес, едва ступив на борт.

– Внизу, внизу получишь свою надбавку, – мрачно пообещал черноволосый.

Второй член экипажа, не произнеся ни слова, пошел укладывать канат. Гонсалес и его суровый оппонент спустились в каюту. Здесь было тепло и сухо.

– Да, я совсем забыл, – обратился к своему спутнику Мигель, – синьор будет платить надбавку деньгами или натурой?

Тот расхохотался.

– Ну ты наглец. Люблю отчаянных. Луиджи Минелли, – протянул он руку, – второй помощник регионального инспектора.

– Мигель Гонсалес, первый помощник регионального инспектора, – протянул мокрую руку Мигель, усмехаясь про себя: «Он такой же Луиджи, как я Мигель».

– Ты что, действительно не умеешь плавать?

– Умею, но очень плохо.

– Ну тогда считай, что тебе повезло. Я плаваю как рыба.

– Поэтому я и полез в воду. Я надеялся, что хоть ты меня вытащишь, – зябко передернул плечами Гонсалес.

– Ты же озяб, переоденься. – Луиджи протянул ему сухую одежду.

– Вот это мне больше нравится, чем петля вашего каната. – Мигель с благодарностью принял дар.

Послышались чьи-то шаги. Вошел третий, спутник Луиджи и Мигеля.

– Ветер усиливается, – обратился он к Луиджи.

– Не мне, теперь командир вот он. – Минелли показал рукой в сторону переодевавшегося Гонсалеса.

Вошедший сделал шаг вперед.

– Марк Гоффман, – представился он, по-военному щелкнув каблуками.

– Очень приятно – Мигель Гонсалес. Черт побери, эта рубашка, кажется, мне немного мала. Так что вы сказали насчет погоды?

– Ветер усиливается, – повторил Марк.

– Вы знаете, куда мы идем?

– Да, мы получили вчера шифровку. Снять вас с мыса Санта-Мария-де-Леути и следовать в Дубровник.

– Отлично. Вот и выполняйте приказ в точности. Снять вы меня сняли, теперь следуйте в Дубровник. Ну, а ветер? Постарайтесь что-нибудь придумать, чтобы не так сильно качало, а то завтра я не смогу встать на ноги.

– Нам придется несколько сойти с курса, герр Гонсалес.

– Делайте как считаете нужным. Я абсолютно не разбираюсь в этой морской галиматье. Вы наш капитан, вот и выбирайте лучший путь.

Марк снова щелкнул каблуками и вышел.

– Вот человек! – Луиджи проводил его восхищенными глазами. – Два дня с ним на борту, а он еще ни разу не произнес больше двух предложений.

– Будем считать, что и тебе повезло. Я постараюсь говорить за двоих.

– Я это уже понял, – осклабился Луиджи.

– Кстати, ты ведь Луиджи Минелли, значит, ты обязан отлично говорить на итальянском, это ведь теперь твой родной язык. Так что, будь добр, говори со мной только на итальянском. И мне хорошо, пройду с тобой практику, и тебе неплохо, будешь говорить на языке, который по паспорту считается для тебя «родным». Ну, кажется, все, переоделся, – добавил он уже по-итальянски.

– Тогда давай сюда, здесь теплее. Кофе или чай? – предложил Луиджи.

– Давай чаю.

Отхлебывая обжигающий напиток, Гонсалес почувствовал, как приятное тепло разливается по всему телу.

– Ну, ближе к делу. Шифровку получили?

– Да. Предписывалось заехать за тобой и в Дубровник. Шеф там. Подробности операции должен сообщить мне ты.

– Сообщу. – Мигель, допив чашку, поставил ее на столик.

– Еще?

– Не надо. Лучше слушай, – он отодвинул чашку от себя. – Произошла утечка информации. Кому-то стало известно, что в сектор «С-14» на смену замолчавшему инспектору посылается новая группа. И не просто известно. Нашего шефа Дюпре едва не… Как это по-итальянски?.. Не пришили в Белграде. Но он успел унести ноги. К сожалению, связной оказался не столь проворен, и теперь его холодное тело находится в морге Белграда.

Луиджи недоверчиво хмыкнул.

– Убили и связника?

– В том-то и дело. А это значит, что утечка произошла не из сектора «С-14», а из нашего отдела. Вот такая история. Ты понимаешь, знали буквально все: кто такой Дюпре, адрес его гостиницы, кто с ним встретится, где, когда. А это значит, что теперь у нас с тобой будет несколько заданий. Во-первых, основное – контроль сектора «С-14». Во-вторых, установить, почему замолчал инспектор со своими людьми, и, наконец, если возможно, выяснить, где и когда произошла утечка информации. Кроме нас троих, к нам будет подключен специальный координатор регионального комиссара. Кто он, я пока не знаю. Координатор встретит нас на месте и будет знать всех в лицо. Ну, кажется, все. Теперь понятно?

– Как будто. – Луиджи мотнул кудлатой головой.

– Значит, сейчас главное – снять Дюпре и взять его на борт нашего «крейсера».

– Это как раз нетрудно, – Минелли говорит быстро и энергично жестикулирует, – мы же знаем его в лицо, а он знает нас. Подойдем к берегу и возьмем его на

борт. В этом районе полным-полно туристических судов, с документами у нас полный порядок.

– С какими документами? Во-первых, Дюпре разыскивают те, кто хотел бы вернуть ему небольшой должок по Белграду. Кстати, они не оставят без внимания и нас. Во-вторых, с ним, вероятно, очень хочет познакомиться югославская полиция. После того как он исчез из Белграда, а в дверях его номера осталось полтора десятка пулевых отверстий, сам понимаешь, любопытство полиции очень возросло, и ей тоже хочется поближе познакомиться с нашим шефом. И, наконец, в инструкции особо оговаривается, что мы, по возможности, не должны привлекать к себе внимания.

– Да, но зайти в Дубровник мы должны, а там наш катер будет на виду.

– Вот и надо подумать, как лучше вытащить нашего шефа из этого рая.

– Почему «рая»?

– Я вспомнил Марко Поло. Он сказал: «Если есть рай на земле, то он в Дубровнике!»

Дубровник. День пятый

Яркое изумрудное море расстилалось большим зеленым ковром до самого горизонта. Ослепительно светило майское солнце. Отовсюду доносились смех и шум двигающихся туристических групп. Насчитывающий не более сорока тысяч человек город обслуживал почти полмиллиона туристов в год. Построенный на обрывистом мысе над морем, этот город-музей привлекал внимание своей удивительной красотой. Его мощенные камнем узенькие улочки, огромные каменные стены с величественными башнями, красивейшие площади с фонтанами, дворцы, построенные в стиле барокко и позднего Ренессанса, – город не напрасно считался жемчужиной Адриатики. Человек, раз попавший сюда, навсегда сохранял в душе очарование этого живописного края.

Дюпре стоял на возвышенности и смотрел на город. В белых лучах солнца, высвечивающих контуры монастырей и церквей, Дубровник казался еще красивее. Шарль задумчиво оглядывал город, прекрасно понимая, что эта красота не сулит ему спокойной жизни.

Хотя это он понял гораздо раньше – там, в Белграде. Игра пошла нешуточная. Убийство связного и налет в гостинице совершены явно профессионалами, людьми, превосходно осведомленными, с кем имеют дело. А он до сих пор не знает, кто они. Дюпре понимал: сейчас идет грязная игра и козыри не в его руках. Главное теперь – выбраться живым отсюда, это единственное, на что он должен ориентироваться.

В кармане у него, кроме французского паспорта, был и паспорт на имя господина Рейхенау, коммерсанта из Мюнхена. А под левой рукой приятно давила тяжесть новенького «венуса». Этот пистолет был уже давно принят на вооружение специальными отрядами по борьбе с терроризмом в некоторых странах. Главная его особенность заключалась в невероятной скорострельности. За 0,6 секунды стрелявший успевал выпустить всю обойму – все пятьдесят патронов.

Дюпре никогда не переводил оружие на положение «автомат». Ему просто не нужна была подобная скорострельность. Пистолет был очень надежен, а это самое главное, вот почему у связного на резервной явке Дюпре выбрал именно его. Он мог, конечно, воспользоваться своим паспортом на имя господина Рейхенау и выехать из Белграда. Но у него не было полной уверенности, что его «визитеры» не знают его в лицо. А пистолет с собой в самолет не протащишь и таможенникам ничего не объяснишь.

Эти три дня он отсыпался в поездах, курсирующих по стране. В купе не проверяли документов, и Дюпре, неизменно бравший все три места, мог спокойно, относительно спокойно, выспаться, не опасаясь непрошеных гостей. В поезд Шарль вскакивал каждый раз на ходу, причем в другой вагон, и только затем переходил в свой. Удивленному проводнику Дюпре объяснял, что его товарищи, очевидно, запоздали, как, впрочем, опоздал и он сам, но билеты у него и он просит никого не впускать. Его наивный сербский язык, на котором он с трудом изъяснялся, помогал куда меньше, чем долларовая бумажка. Проводник согласно кивал головой и оставлял его в покое.

Сегодня утром он прибыл в Дубровник. В три часа дня подошедший катер должен забрать его с берега. Каким образом? Он этого пока не знал. Предусмотревшее, казалось, все, его начальство и в мыслях не могло допустить, что охотиться будет не он, а за ним. И что прятаться будут не его преследователи, а он – региональный инспектор «голубых ангелов». «Кто они? – снова поймал себя на назойливой мысли Дюпре. – Кто?» Он этого пока не знал. Но уже сейчас он не сомневался, что задачи, стоящие перед ним в секторе «С-14», будут особенно сложными и непредсказуемыми.

Шарль поднял бинокль, приобретенный им в одном из магазинчиков города. Так. Катер на месте. Интересно, как он сумеет подойти к нему? Ведь и те, другие, могут быть осведомлены об их вояже. Дюпре, опустив бинокль, зашагал вниз. Может быть, они и не знают о катере. Нет. Наверняка знают. Не надо себя обманывать, подумал он. Итак, встречать его будут у причала. Засекут, когда он будет переходить на катер, а потом перебьют всех. Нельзя так рисковать. А ведь я рискую не только своей жизнью. Дюпре чуть замедлил шаг. Должен же быть какой-то выход. Должен. Профессионалы не разрешат ему дойти до катера, в этом он может не сомневаться.

По-моему, я недооценил их, тревожно подумал Шарль, неужели они будут стрелять? Он ощупал пистолет, увидев, как двое высоких мужчин одновременно шагнули к нему.

– Господин Дюпре? – спросил один из них, улыбаясь, по-французски.

Совсем не похоже, что он собирается стрелять. Да и спутник его не держит рук в кармане. Значит, у нас равные шансы.

– С кем имею честь? – спросил он по-немецки.

– Органы безопасности, – говоривший полез во внутренний карман.

Шарль напрягся. Все правильно. Его собеседник достал удостоверение. Дюпре усмехнулся. Ему почему-то стало весело.

Об этой опасности он совсем забыл.

– Вы ошиблись, господа, я герр Рейхенау из Мюнхена. Вот мой паспорт.

– Господин Рейхенау, возможно, мы ошибаемся, но просим вас уделить нам немного времени. Мы обязаны задать вам несколько вопросов. Поймите, это наш долг, – уже по-немецки произнес его собеседник.

Ну, что ж, это уже маленькая победа. Документы у него в порядке. Опасаться нечего. Разве что ему устроят очную ставку с той горничной. Но и это вряд ли. Единственное, что могут сделать, это выслать из страны. Хотя для него и это неплохо.

– С удовольствием, господа, – произнес он.

– Здесь недалеко, – успокоили его.

Дюпре пожал плечами и благоразумно промолчал. Спокойно. Что делать в подобных случаях? Допустить, чтоб его опознали, нельзя. А что делать? Будь на его месте его преследователи, он бы выпустил всю обойму, не церемонясь, но сейчас? В конце концов, в чем виноваты эти симпатичные ребята? Они ведь тоже выполняют свой долг, как и он. Стоп! Откуда они знают, что он попадет в Дубровник? Не случайно же его опознали узнали. Опять утечка. Не много ли для одного случая? – подумал Шарль. Не много ли? А может, я все-таки недооценил своих преследователей? И зачем им меня убирать? Тоже Джеймс Бонд. Можно просто сообщить, что я агент одной иностранной державы. Пулевые отверстия в номере Белграда и мое поспешное бегство говорят сами за себя. Сколько осталось до трех? Двадцать минут. Так, что же делать? Уже за один пистолет его могут надолго засадить в тюрьму. Черт возьми, должен же быть выход! Они шли по городу пешком. Езда в этой части города на машинах была запрещена. Мимо сновали туристы, гогочущие, кричащие, вечно куда-то торопящиеся.

Дуло пистолета показалось так стремительно, что даже Шарль не успел отпрянуть. Реакция его высокого собеседника оказалась мгновенной. Он успел лишь толкнуть Дюпре. В следующее мгновение он уже падал на землю, сраженный сразу четырьмя выстрелами. Его товарищ успел достать пистолет, отпрыгнуть в сторону и сделать один выстрел явно невпопад. Наверно, у него было «неудовлетворительно» по огневой, почему-то успел в этот момент подумать Дюпре.

Кровь из простреленной головы неудачливого стрелка брызнула прямо на камни. Как в кино, мелькнула мысль у Шарля, но руки, уже автоматически доставшие пистолет, делали свое дело. Убитый на какое-то мгновение отвлек внимание всех трех нападавших, и этого оказалось достаточно.

Спокойно, как на учениях, он послал первую пулю. Первый мой выстрел за последние три месяца, с неожиданным удовольствием отметил Дюпре, увидев, как тяжело осел один из нападающих. Прохожие с воплями разбегались кто куда, не смея даже высунуться из укрытия. Дюпре выстрелил еще несколько раз.

Интересно, есть все-таки в этой стране полиция или нет? – подумал Дюпре, когда еще две пули чиркнули прямо у носа. Третья пуля свистнула у уха. Сейчас из меня сделают ситечко. Надо уходить.

В этот момент с соседней улицы послышался свист. Вот, кажется, и блюстители, мрачно подумал Шарль и, заметив, как один из нападающих дернулся, послал пулю точно в шею. Дернувшись еще несколько раз, человек затих. Третий, сделав два быстрых выстрела, не выдержал и, вскочив, бросился бежать. Дюпре поднял пистолет. Черт, неужели уйдет?

Убегавший, однако, внезапно остановился, раскинул руки и неловко ткнулся в мостовую. Маленькое пятно расползалось у его головы. Это еще кто, кто стрелял? Дюпре тревожно огляделся. У противоположного края стоял высокий парень. На его оружии был глушитель. Кажется, он делает какие-то знаки. Да это же Луиджи! Хорошо, что я его узнал, прежде чем продырявить.

– Господин Дюпре, быстрее, быстрее! Сейчас здесь будет полиция.

Дюпре обернулся к югославам. Первый, неловко шевельнувшись, открыл глаза.

– Вы живы? Превосходно. Я очень рад.

Раненый застонал:

– Кто вы?

– Я тоже выполняю свой долг, как и вы. Простите, что не могу вам помочь. Но ваши люди уже бегут сюда.

– Вы из… – Голова раненого судорожно дернулась, и изо рта пошла кровь. Топот ног и свистки раздавались со всех сторон. Поняв, что уже ничем помочь нельзя, Шарль в три прыжка пересек площадь и бросился за убегавшим Луиджи. Мигель Гонсалес прикрыл отступление, бросая тревожные взгляды назад.

Совершенно секретно

Литера «В»

ГРУППА «ДУБЛЬ-В»

РЕГИОНАЛЬНОМУ КОМИССАРУ

Дюпре взят на борт. В городе ждала засада. Налицо утечка информации. Приступаем к выполнению задания.

«ДС-14».

Коломбо. День седьмой

За окнами сгущаются сумерки. Доносится стук проходящих мимо поездов, спешащих к вокзалу Коломбо-форт. Несмотря на сильный дождь, который льет вот уже третьи сутки, в городе стоит сильная духота. Влажность чувствуется повсюду, даже здесь, в комнате с двумя кондиционерами. Большие, ажурно украшенные окна выходят прямо на гавань, и видны отчаливающие пароходы. Слева – здание старого форта.

В комнате двое – Мигель и Луиджи. На Луиджи короткие шорты и сандалии, на Мигеле выцветшие серые брюки и рубашка цвета хаки. Гонсалес возится у телевизора, пытаясь поймать какой-то канал.

– Брось, – лениво бросает Луиджи, – ничего особенного.

– Ну а вдруг что-нибудь интересное?

– Ты что, говоришь по-сингальски?

– Совсем не обязательно. Они ведут передачи на английском.

– А еще постарайся поймать на итальянском. Ты, кажется, хотел попрактиковаться.

– Сейчас попрактикуюсь. – Мигель открывает рот, явно желая высказаться по адресу Минелли, когда в дверях раздается звонок. Два длинных и один короткий.

– Он, – кивает головой Гонсалес.

Луиджи подходит к дверям, открывает их и спускается вниз. На первом этаже дома установлена специальная электронная аппаратура, позволяющая видеть каждого и фиксирующая появление любого постороннего. Кажется, все в порядке. Это Дюпре. Луиджи внимательно смотрит на экран и щелкает механизмами. Дверь медленно открывается. Жители Коломбо были бы весьма удивлены, если б вдруг узнали, что этот двухэтажный дом буквально нашпигован электроникой и является резиденцией «голубых ангелов».

Шарль входит в дом, молча кивает Луиджи и поднимается вверх по лестнице на второй этаж. Минелли едва поспевает за ним.

– Все в порядке? – коротко спрашивает Гонсалес.

– Да, конечно.

Дюпре стаскивает с себя пиджак, снимает галстук, отстегивает ремень с кобурой.

– Хорошо еще, что я догадался взять «кольт»! Представляете, как бы мне натер плечо «венус». – Шарль, стянувший рубашку, осматривает плечо. На левом ясно видны следы ремня.

– В жаркую погоду с этой штукой ходить не особенно приятно.

– Это издержки работы, – улыбается Мигель.

– Вот именно, издержки. Луиджи, – просит Дюпре, – плесни мне немного вон того, апельсинового.

Минелли подходит к столику, на котором стоят разнообразные бутылки с соками, и, бросив несколько кусочков льда, наливает два стакана. Один себе, другой он протягивает Шарлю.

– Спасибо. – Дюпре с наслаждением делает несколько глотков. – Так, теперь к делу. Садитесь ближе к столу.

Все трое рассаживаются вокруг, и Дюпре, отставив стакан, разглядывает своих помощников. Оба высокие, оба черноволосые, разве что Мигель несколько темнее Луиджи, но это и понятно, он ведь «парагваец». Наши руководители, думает Шарль, подбирая людей, учитывают буквально все, даже внешность.

– Ничего хорошего я вам сообщить не могу, – начинает он. – Как вы знаете, мы «Дубль С-14». Основная группа «С-14» замолчала и молчит уже вторую неделю. Что с ней, неизвестно. Более того, в этом секторе работали еще два наших сотрудника. Все они замолчали. Одновременно. Утечка информации, безусловно, была, и с этим нам еще предстоит разобраться, хотя, по-моему, мы в этом убедились гораздо раньше там, на Балканах. В связи с резким изменением ситуации генеральный комиссар дал срочное указание – всякую связь заблокировать. Надеяться только на собственные силы. Для поддержки к нам прикрепили генерального координатора, который будет ждать нас на месте. Все. Главное – это установить, почему замолчала группа «С-14». Вот их снимки.

Дюпре достал из внутреннего кармана пиджака пакет и осторожно вскрыл его. Из конверта посыпались карточки голых девиц.

Луиджи улыбнулся.

– Наш шеф занят делом.

Дюпре, взяв кисточку, осторожно соскабливал изображения, отделяя наклеенные фотографии от подлинных. Вскоре на столе лежали три фотографии с мужскими лицами.

– Вот командир группы – Макс Фогельвейд, 34 года, рост 180, вес 90. Его первый помощник – Джон Моррисон, 26 лет, рост 188, вес 84. Второй помощник – Анри Роже, 29 лет, рост 174, вес 71.

Луиджи вдруг поднял одну из карточек.

– Марсель, – проговорил он глухо. – Марсель.

– Кто? Кто это? Ты его знал?

– Да, – тяжело подтвердил Луиджи, – мы вместе работали полгода в Колумбии. Тогда его звали Марсель Санторо.

С фотографии смотрит улыбающееся лицо молодого человека.

– Я хорошо его знал. Он не мог замолчать. Это был изобретательный парень, весельчак, каких мало. Значит, они его… – Минелли хрустнул пальцами. В комнате наступило молчание. Гонсалес потрепал по плечу Луиджи.

– Все бывает, Луиджи. Это наша работа.

– Брось, – резко откинул его руку Минелли, – работа! Я найду его убийц и сам отомщу. Если его убили, я достану их из-под земли.

– Не теряй только головы, – напомнил Шарль, – это хорошо, что наши желания совпадают. Я тоже хочу поближе познакомиться с ними. Не будем себя обманывать. Мы профессионалы. Раз группа замолчала, значит, ее вывели из игры. Другого объяснения быть не может. – Шарль собирает карточки и подносит зажигалку. Через минуту на столе – маленькая горка пепла.

– Сектор «С-14» – повышенной сложности. Это один из самых беспокойных районов мира. Вы знали об этом. Теперь вы знаете, что нам готовят «горячую встречу». Значит, и мы должны соответственно подготовиться, чтобы не остаться в долгу перед хозяевами.

– Не останемся, – мрачно пообещал Минелли.

– Хорошо. Вот наши новые документы. – Дюпре достал из кармана еще пачку бумаг. – Луиджи, ты теперь полицейский офицер Великобритании Артур Шелтон. Кстати, можешь смело говорить по-итальянски. У тебя мама была итальянкой, но английской подданной.

– Полицейский? – удивился Луиджи.

– Да. Вот видишь, и ты изумлен. Значит, никто не поверит, что под таким прикрытием может работать наш человек. А это как раз то, что сейчас нам нужно. Ты направляешься в Австралию, туристическая компания зарезервировала за тобой место в отеле, в Мельбурне. В Джакарте ты будешь несколько дней, так, во всяком случае, ты должен говорить, если тебя спросят. Вот твои документы.

– Ясно, – Луиджи кивнул головой.

– Ты, Мигель, житель Ямайки Хосе Жозеф Урибе. Хочешь перебраться на жительство в Индонезию. Вот виза и паспорт. Родился ты в Спаниш-Тауне. Это город на южном побережье Ямайки.

– Что, правда есть такой город?

– Есть, вот его фотография, посмотри. Я теперь Джозеф Ричардсон, американский кинооператор Си-би-эс. Еду снимать фильм об экзотических животных Индонезии. Моя аппаратура прибудет через несколько дней. Кстати, все наше снаряжение будет там. Мы договорились с Интерполом, они проконтролируют этот груз.

– Где встречаемся? – спрашивает Мигель, перебирая документы.

– Основное место встречи – аэропорт Кемайорана. Каждое нечетное число, в пять вечера. Резервный вариант – аэропорт Чилилитана, в семь вечера. Предупреждаю: при малейшем подозрении зря не рисковать, берите билет из аэропорта в любую точку страны. В любую, потом вернетесь. Обязательно берите билет, если увидите, что за вами следят и вы в аэропорту одни. При встрече в случае опасности держите в руках коробку сигарет. Мигель, дай мне карту Джакарты, нет, вон ту, та более подробная.

– …Так, – Дюпре склонился над большой картой столицы Индонезии, – вот здесь жил один из наших агентов. Район Кебайорана. Кстати, не перепутайте Кебайоран с аэропортом Кемайорана. Насколько я знаю, вы ведь почти не говорите по-индонезийски? [1 - Подготовка агентов включает в себя обязательное знание трех-четырех иностранных языков, однако в связи с большой загруженностью «голубые» просто не в состоянии знать все языки тех стран, куда им приходится вылетать по долгу службы. (Прим. авт.)] – шутит Шарль.

– Увы, – вздохнул Гонсалес, – совсем не говорю.

Луиджи отрицательно покачал головой.

– Тем более. В районе Кебайорана жил один из наших связников. Ян Таамме. Его дом берет на себя Луиджи. Вот фотографии. Посмотри. А это план его дома. Вот здесь, на этой бумаге, начертано расположение его комнат. В кабинете, слева от стола, – тайник, вот здесь, в стене, видишь, указано крестиком.

Минелли угрюмо кивнул головой.

– Будь осторожен. Не рискуй. Постарайся узнать, где Таамме. Возможно, его кто-то видел, узнай, кто именно из соседей, где, когда. Можешь широко пользоваться своим удостоверением, ты же теперь полицейский. Ты, Мигель, берешь на себя Богор. Городок расположен недалеко от Джакарты, на юге. Кстати, там же находится и научный институт каучука, и ты можешь побывать в нем. Ведь ты яванский коммерсант, хочешь поселиться в окрестностях Джакарты и купить каучуковую плантацию. Это на случай, если кто-нибудь спросит. А главное – в Богоре не вышел на связь член группы Фогельвейда – Джон Моррисон. Таамме, успев сообщить об этом, замолчал. Проверь, почему не вышел на связь Моррисон. Вот здесь, у вокзала, должен быть тайник, возможно,

он успел оставить донесение. Вот точный план и схема, а вот фотографии. Это рядом с вокзалом.

– Первый раз слышу, что в Индонезии существует железная дорога, – ворчит Гонсалес.

– Цивилизация шагает быстрыми темпами, Мигель. Кстати, постарайся не забыть, в твоем «родном городе» на Ямайке, в Спаниш-Тауне, тоже есть железная дорога.

– Уже прочел, знаю.

– А где будешь ты? – спрашивает Луиджи.

– Я беру на себя район порта. Там жил наш второй связник. Да и резервный вариант встречи группы Фогельвейда находится там. Насколько я знаю, именно район порта всегда привлекал пристальное внимание нашего руководства. Я думаю, клубок можно распутать и с этого края. Все остальное нам сообщит координатор зоны.

– А где он будет нас ждать?

– В Джакарте. Он проконтролирует наши действия и в случае необходимости подключится к нам. Он же сообщит нам о положении дел в этом районе. Луиджи, встреча произойдет в отеле, где ты остановишься, в баре этого отеля, послезавтра в семь часов вечера. Вместо пароля координатор назовет свой код – «М-17».

Богор. День девятый

Прямая шоссейная дорога вела мимо огромных деревьев, и Мигель с интересом рассматривал их. Вот это, кажется, пальмы, а это что? Наверно, хлебные деревья. Неужели они такие? А спросить нельзя, да и вряд ли кто-нибудь из этих людей, окружающих его, знает, что это такое. Вокруг сидят либо туристы, отправляющиеся из Джакарты в окрестности, либо крестьяне с расположенных

поблизости плантаций. Проклятая духота. Гонсалес потрогал оружие влажными руками. В такую погоду лучше, конечно, ездить без этих украшений и вообще лучше было бы взять машину, но Мигель хорошо знал свои способности и никогда их не переоценивал. Это только в кино агент умеет все. Однажды, находясь на задании, он умудрился в течение одного дня трижды ударить свой автомобиль и с тех пор старался обходиться без машины, не доверяя самому себе. Кроме того, он прекрасно понимал, что если его в Богоре ждут, то обязательно заинтересуются яванским туристом, берущим машину в прокате для поездки в Богор. А «устроить» автомобильную катастрофу могут сейчас даже дилетанты, и он не собирался давать лишних шансов своим противникам.

И вот теперь из Джакарты в Богор пришлось ехать рейсовым автобусом. Машина была переполнена. Все что-то бубнили, быстро говорили, кричали, но Мигель почти не прислушивался, оглядываясь по сторонам.

Огромные, невиданные до сих пор деревья окружали его, и он восхищался их красотой. Можно считать, что мне крупно повезло, думал он, побывать в Индонезии. Если еще я выберусь отсюда живым, то будет вообще великолепно. А когда-нибудь, на старости лет, я сяду за стол и опишу все приключения и вот эти прелести в своих мемуарах.

Автобус резко бросило на повороте, и Гонсалес сильно ударился плечом. Вот-вот, и эти прелести тоже. Вдали показался город. Окружающие загалдели, казалось, каждый старался перекричать другого.

Ну и шум, недовольно поморщился Мигель. Машина въехала в город, и его попутчики, хватая свои корзинки, тюки, чемоданы, поспешили к выходу. Гонсалес встал, расправил затекшие плечи, взял небольшую сумку с парой журналов и газет и спустился на улицу.

Так, огляделся он, город как город. Пока ничего необычного. Рядом затормозил еще один автобус. Из него высыпала большая группа голландцев в оранжевых куртках. Гид что-то оживленно объяснял им. Мигель разобрал слова – Ботанический сад. Он усмехнулся. Во всех справочниках в Богоре прежде всего обращалось внимание, что Ботанический сад города один из лучших, если не самый лучший в мире и создан в 1817 году.

Интересно, как пройти на вокзал, подумал он, оглядываясь. Может быть, за ним наблюдают. Значит, если он сразу направится к вокзалу, ведь карту Богора он знает неплохо, то его заподозрят. Спокойно. Он турист, приехавший сюда поглазеть на Ботанический сад, полюбоваться городом и вечером вернуться в столицу. Вернется он, конечно, железной дорогой, для чего должен пойти сейчас на вокзал и купить билет обратно в Джакарту. А заодно проверить и тайник Моррисона.

Он подошел к гиду голландской группы.

– Вы говорите по-английски? – спросил он.

– Совсем немного, месье.

– Вы не могли бы сказать, где находится вокзал?

– О, это очень просто. Отсюда недалеко. Вон по той улице прямо, потом направо, потом снова направо. Так вы и доберетесь до вокзала.

– Спасибо. А Ботанический сад?

– Он в другой стороне.

– Еще раз спасибо.

Гонсалес повернулся и зашагал по улице. Значит, так, вспомнил он инструкции Дюпре, проверить, нет ли за мной слежки, и идти к тайнику. Узнать, был там Моррисон или нет.

Идти было интересно. Всюду слышалась непрерывная речь. Рядом шли малайцы, сунландцы, мадурцы, меланезийцы, европейцы, американцы, китайцы, негры, арабы, японцы. Полное смешение языков и рас. Если учесть, что из более чем стотридцатимиллионного населения этой страны свыше восьмидесяти миллионов жили на острове Ява, а он, в свою очередь, занимал лишь семь процентов территории страны, то плотность населения была впечатляющей. Согласно последним данным ООН, плотность населения в этом районе достигает более пятисот человек на один квадратный километр.

Богор не был исключением. А в летнее время он вообще заполнялся туристами. Гонсалес шел легко, оглядываясь на здания, на людей, всем своим видом напоминая праздного, беззаботного туриста. Разумеется, оглядывался не просто так. В течение десяти минут он со всевозможными ухищрениями проверял, нет ли за ним «хвоста». Кажется, все было в порядке. Для очистки совести он сделал еще один контрольный заход, но и на этот раз ничего не обнаружил. Профессионалы его класса довольно легко определяли скрытое наблюдение.

У небольшого серого дома в конце улицы он остановился. Мигель сразу узнал этот дом по фотографии. Тайник должен быть здесь. Гонсалес подошел к зданию и еще раз оглянулся. Полупустая улица не вызывала подозрений. Он провел рукой по низенькому заборчику. Рука сразу нащупала небольшой зазор. Через секунду у него в руках был небольшой патрончик. Достав носовой платок, он опустил донесение в карман, а следующим движением руки положил в тайник свое донесение. Такие тайники бывали практически везде. Агент ежедневно докладывал о работе. Разумеется, он встречался и со связниками, но это донесение часто бывало последней вестью от навсегда замолчавшего агента.

В каждом таком донесении бывало несколько цифр, обозначающих целую группу слов. Шифр каждый раз менялся, и агенты знали лишь свой шифр. В шифровке, которую положил Гонсалес в тайник, указывалось: «Агент „К-37“ прибыл в Богор. Все спокойно. Послание предыдущего агента изъято» [2 - «К-37» – позывной Мигеля Гонсалеса.].

В кармане Мигеля лежала еще одна шифровка. В случае опасности он должен был положить туда эту, где указывалось, что обстановка весьма тревожная. При смертельной опасности в тайник закладывался не пустой патрончик с запиской, а настоящий боевой патрон.

Гонсалес, нашарив в кармане донесение Моррисона, вздохнул. На улице шумели люди, мимо сновали прохожие – здесь вскрывать опасно. Пот катил градом, майка прилипла к телу, но он стоически переносил эту жару. Единственное, что он позволил себе сделать, это несколько ослабить узел галстука. Пиджак был плотно застегнут, и кобура с ручкой пистолета не были видны. На этот раз у него не было привычного ему по прежним операциям «магнума», его заменял французский «П-38». Глушитель болтался в правом кармане и иногда позвякивал о мелкие монеты, находящиеся тут же.

Он прошел уже два квартала, когда наконец нашел то, что искал. Маленький китайский ресторанчик, который, несмотря на обеденную пору, был почти пуст. Мигель несколько недоуменно оглянулся в этом полутемном помещении, когда к нему подбежал улыбающийся хозяин. Низко кланяясь, он изображал высшую степень удовольствия и что-то лепетал не совсем понятное. Видя, что Гонсалес не понимает его, он спросил по-английски, коверкая слова:

– Что-нибудь угодно господину?

– Поесть, – довольно хмуро пояснил Мигель.

Китаец тут же, поклонившись, предложил гостю сесть и засеменил на кухню.

Гонсалес недовольно осмотрелся. В этом маленьком ресторане, кроме него, были лишь два китайца, сидевшие к нему спиной, и семья каких-то полинезийцев – огромный хозяин, не менее тучная супруга и целая куча детишек, маленьких, откормленных, напоминающих своих родителей, только миниатюрно уменьшенных. Неуловимым движением он вынул патрончик и достал записку. Расшифровка заняла несколько секунд:

«Фогельвейд убит в аэропорту. На линии провокатор. Обстановка весьма тревожная. Чувствую слежку. Перехожу на резервный вариант.

Моррисон».

Аккуратно свернув записку, он вложил ее в патрон. Донесение полагалось доставить региональному комиссару, чтобы потом определить по почерку, чья рука писала эти цифры. Патрончик Гонсалес опустил во внутренний карман пиджака. Хозяин принес несколько блюд и, кланяясь еще ниже, предложил их отведать. Мигель, испытывающий слабость к экзотическим блюдам, охотно принялся за еду. Мозг сосредоточенно работал. Пережевывая пищу, он размышлял: Фогельвейд замолчал до того, как убрали Моррисона. Следовательно, командира группы Фогельвейда убрали в Джакарте и поэтому Моррисон узнал об этом. На вокзал он уже не пошел. В шифровке указано – переходит на резервный вариант. Значит, линия связи подвела. Связник Таамме либо предатель, либо… Стоп! Таамме должен был ждать на вокзале, а Моррисон туда не пошел. Но Таамме отправил донесение о том, что Моррисон не вышел на связь, и сам замолчал. Замолчал, после того как побывал на вокзале. Линия

связи провалена. Все-таки был предатель.

Кто же он? Видимо, кто-то из их отдела, раз Дюпре встречали в Белграде – связные в Индонезии об этом просто не могли знать. Но если убрали Таамме, значит, за его домом следят, а Луиджи должен был идти к нему. Спокойно. Если Луиджи туда сунется, его ждут большие неприятности и вряд ли он уйдет живым из дома Таамме. Надо немедленно ехать в Джакарту. Значит, придется все-таки зайти хотя бы на минуту в Ботанический сад, пропади он пропадом. Что дальше? Моррисон перешел на резервный канал. Это значит, он и Роже, третий член их группы, должны были встретиться в порту со вторым связником. Но оттуда не поступало никаких сигналов. Дюпре был прав: разгадка там – в порту Джакарты. Если был провален и резервный вариант, значит, все сходится: предатель там, в отделе генерального комиссариата. Это не сам, конечно, комиссар, что было бы, пожалуй, невероятно, и кроме того, он и его координатор знают места «тайника Моррисона». А тайник не «засвечен». Но вот о резервном варианте группы Фогельвейда знали еще несколько человек.

Кто? Кто именно? Видимо, кто-то из них. Все правильно. Генеральный секретарь что-то почувствовал, иначе бы не засекретил их работы даже от работников своего отдела. Вся информация от них будет идти через координатора только генеральному комиссару, даже минуя региональные органы. Интересно, знает ли координатор о сложившейся ситуации? Завтра у них встреча. Надо будет успеть. Но сейчас самое важное – Луиджи. Если он войдет в дом Таамме, их группа уменьшится на одного человека. Черт бы побрал этот проклятый район! Не знаешь, против кого борешься. Игра втемную. Что ж, вздохнул Гонсалес, отодвигая свою тарелку, значит, будем блефовать.

Джакарта. День девятый

Непривычный шум оглушал человека, заставляя обостренно приглядываться к городу. А тропический экваториальный климат лишь усиливал воздействие шума, действуя на нервную систему всех, кто не привык к таким необычным условиям.

Одна из древнейших столиц Азии – Джакарта – была уникальна и неповторима и своей историей, и своим благодатным и жарким климатом. Она славилась и

своим местоположением – стояла на пересечении многих морских путей мира. Еще в XVI веке на месте Джакарты находился город Сундакелапа, позднее переименованный в Джакарту. Голландские колонизаторы сумели в начале XVII века разрушить этот город, но уже через несколько лет его выгодное географическое и стратегическое месторасположение заставило их начать восстановление и, более того, превратить город в крепость и резиденцию генерал-губернатора, дав цитадели громкое название – Батавия.

Не раз и не два город был свидетелем пробуждающегося духа народа, его национального самосознания. Улицы и площади Джакарты еще помнят народные восстания и движение в защиту Дипонегоро, Теуку Умара, Сукарно и других талантливых вождей этой свободолюбивой страны.

Только после завоевания независимости в 1949 году город был переименован в Джакарту, став столицей Республики Индонезии. С этого дня началась ее новая эра. Столица становится крупным экономическим центром, растет и хорошеет буквально на глазах. В городе возводятся многоэтажные отели и крупные торговые, промышленные здания. Отдавая дань цивилизации, Джакарта не теряет и своего очарования, бережно сохраняя незабываемые памятники истории, каналы, ратуши, церкви, построенные триста-четыреста лет назад. Сумев в какой-то мере сочетать национальные черты своего народа с цивилизацией, стремительно ворвавшейся в страну, город сохранил неповторимую прелесть и переживал пору своего расцвета.

Ливень начался так неожиданно, что Луиджи не успел понять, что произошло. Это был настоящий тропический ливень, казалось, пробивающий тело насквозь и сметающий все живое. Улицы города мгновенно опустели.

Придется возвращаться в гостиницу, недовольно подумал Луиджи и повернул назад. В отель он вбежал абсолютно мокрым. Страшно раздосадованный, поднялся к себе в номер.

– Это надолго? – спросил он у портье.

– Нет, думаю, часа на два, на три, – улыбнулся тот. Луиджи чертыхнулся. В номере он осмотрел свой «кольт». Все в порядке. Переменив одежду и переодевшись во все сухое, он решил спуститься и посидеть в баре.

Внизу, в полутемном баре, играла приятная спокойная музыка. Огромный широкоплечий малый стоял за стойкой, о чем-то оживленно болтая со своим юным помощником. Посетителей было немного, и Луиджи спокойно присел у стойки, стараясь, чтобы вход был перед его глазами.

– Виски, – попросил он бармена.

Тот кивнул головой, протягивая Минелли стакан.

Луиджи неторопливо пил, чувствуя, как оставляет его мучивший небольшой озноб. В бар вошли двое. Маленький японец быстро спустился и что-то спросил у бармена. Очевидно, хочет взять несколько бутылок с собой, догадался Луиджи, уже не обращая внимания на этого посетителя. Вместе с ним вошла высокая ослепительно красивая женщина лет тридцати.

Луиджи всегда нравились шатенки, но эта особа просто не могла не понравиться. Стройная, с длинными красивыми ногами, изящество которых подчеркивала узкая, обтягивающая юбка с большим разрезом, элегантно сочетающаяся со светлой блузкой. Она вошла в зал той медленной танцующей походкой, от которой сходят с ума мужчины. Женщина подошла к стойке.

– Мартини, – произнесла она.

– Мадам говорит по-английски? – спросил, повернувшись к ней, Луиджи. Женщина вскинула на него свои голубые, холодные и чуть насмешливые глаза.

– А вы говорите дамам комплименты только на этом языке? – спросила она на чистейшем английском.

– Ну что вы, если хотите, я скажу и на итальянском, как вы прикажете, – воскликнул ободренный Луиджи.

– Не стоит. Я вам верю.

– Конечно. Я думаю, мы прекрасно обойдемся английским.

– Не убеждена.

– Зато я убежден.

– Вы всегда так самоуверенны?

– Когда встречаю женщин, похожих на вас, – да, мадам.

– Значит, очень редко. Желаю вам всегда оставаться таким же.

Женщина, сделав несколько глотков, поставила стакан на стойку и, бросив монету, медленно удалилась. Луиджи кивком головы подозвал бармена.

– Кто это? – спросил он по-английски. Бармен наклонился к нему.

– Мадам Дейли. Говорят, американка. Богата. Из Голливуда.

– Она остановилась в вашей гостинице?

– Да, номер 303.

– Одна?

– Нет.

– Неужели с мужем?

– Нет, нет, с ней две горничных и слуга.

– Какие номера?

– Соседние, 304 и 305.

– Спасибо. – Луиджи оставил на стойке пятидолларовую бумажку. Бармен поклонился.

Минелли вышел из бара и, поднявшись в холл гостиницы, бросился к лифту.

– 303-й номер, – сказал он мальчику-лифтеру. Тот послушно кивнул головой. Через несколько секунд лифт замер. Луиджи прошел по коридору, дошел до дверей с табличкой № 303 и громко постучал. Ему открыла дверь миловидная блондинка.

– Кто вы?

– Могу я видеть мадам Дейли?

Горничная удивленно окинула его взглядом.

– Пройдите.

Минелли зашел в номер. Апартаменты королевские, присвистнул он, ничего не скажешь, девочка что надо.

– Вы всегда так бесцеремонно врываетесь к незнакомым женщинам? – послышался за его спиной иронический голос.

Он стремительно обернулся. У противоположных дверей стояла она, уже успевшая переодеться в голубое легко ниспадающее с плеч платье.

– Я подумал, что вы сидите одна в незнакомом городе, и решил предложить вам свои услуги, мисс Дейли.

– Оперативно. Вы уже успели узнать мое имя?

– Я всегда оперативен.

– Вы американец?

– Англичанин.

– Никогда бы не подумала.

– Почему?

– Англичане более сдержанны в своих чувствах и не столь оперативны.

– Вы не знаете англичан, миссис Дейли. Эти сплетни о нашей холодности распространяют французы.

– Ваше имя?

– Артур Шелтон.

– Чем занимаетесь?

– Я офицер. – Черт бы побрал мою легенду, подумал Луиджи. – Офицер Скотленд-Ярда.

– Ах, вы еще и полицейский!..

– Да. А что, это очень странно?

– Необычно. За мной еще никогда не ухаживал полицейский.

– Тогда считайте, что я первый.

– Я убеждена, что и последний. Ингрид, – обратилась она к горничной, – покажите мистеру полицейскому наши документы, если они ему нужны, конечно, и попросите его удалиться. До свидания, господин Шелтон. Всего хорошего. – Она снова окинула Луиджи своим насмешливым взглядом и, повернувшись, ушла. Минелли, простоявший несколько секунд, понял, что потерпел сокрушительное поражение. Горничная подошла к нему:

– Господин офицер что-нибудь желает посмотреть?

Луиджи пришел в себя. Он схватил горничную и, крепко стиснув, поцеловал ее.

– Передайте это своей хозяйке, – сказал он, выходя и немного успокаиваясь.

Когда за ним захлопнулась дверь, в комнату вошла миссис Дейли.

– Ну и хам, – сказала она, улыбаясь, – типичный полицейский.

Луиджи был в ярости. Что за женщина! Дважды в течение получаса она побеждала нокаутом. Такого у него никогда не было. Минелли выглянул в окно. Дождь как будто несколько стих. Тропические ливни вообще недолго длятся в этих широтах. Минелли вышел из отеля под прикрытием зонта. Он решил даже не подниматься к себе в номер, а сразу ехать к Таамме. Швейцар, державший зонтик, довел его прямо до такси.

– Кебайоран, – попросил Луиджи шофера, и тот понимающе кивнул головой. Машина понеслась вдоль канала. Постепенно почти исчезли неоновые огни, многоэтажные дома, и на смену им пришли маленькие двухэтажные коттеджи и полинезийские хибарки. За два квартала до дома Таамме Луиджи вышел, попросив шофера подождать. Дождь был уже довольно сносный, во всяком случае, теперь он походил больше на обыкновенный сильный дождь в Париже или Лондоне, чем на тропический ливень Джакарты. Минелли зашагал по улице. Вон там, кажется, тот дом. Он несколько замедлил шаг. Двухэтажный, немного покосившийся, он не вызвал подозрений. Луиджи оглянулся. В конце улицы он заметил одиноко стоящую фигуру, которая спряталась под маленьким навесом. Войти сегодня или завтра? Если войдет сегодня, обязательно оставит там свои следы, лучше уж зайти завтра. Он снова бросил взгляд на дом. Фигура в конце улицы выражала полное безучастие. Наверное, ждет кого-то, решил Луиджи, поворачивая назад. Приду завтра.

Прибыв в отель, он снова прошел в бар. Маленький японец, забегавший в первый раз, уже сидел там и что-то быстро писал. Бармен, улыбаясь Минелли, как старому знакомому, налил ему виски. Выпив немного и расплатившись, он не спеша поднялся к себе в номер. Зажег свет и принялся раздеваться, когда увидел на столике записку. В ней было несколько цифр. Луиджи внимательно стал разбирать их.

«Агенту „Д-54“[3 - «Д-54» – позывные Луиджи.]. На встречу с Таамме ходить категорически запрещаю. Квартира провалена. Связник убит. Встреча завтра в условленном месте.

«М-17».

Что за ерунда! Как попала эта записка в его номер? Он настороженно огляделся: дверь на балкон закрыта. Его вещи на месте, лишь стул чуть сдвинут от той черты, на которой он его оставлял. Рука потянулась к «кольту». Минелли открыл дверь и посмотрел в конец коридора. Там сидел портье, голова его была наклонена, он, очевидно, посапывал. Луиджи резко захлопнул дверь. Видимо, координатору что-то стало известно. Значит, надо ехать завтра днем в аэропорт предупредить Дюпре и Гонсалеса. А что, если бы ливень не пошел сегодня? Он бы сунулся в дом к Таамме и замолчал навсегда, как группа Фогельвейда. Луиджи передернул плечами. Будем считать, что меня спас сегодня дождик или сам господь не захотел моей смерти, невесело подумал он.

Джакарта. День десятый

Огромные белые лайнеры взлетали с короткими промежутками через каждые десять-пятнадцать минут. Гонсалес уже устал на них смотреть. До условного времени оставалось еще пять минут. Мигель, приехавший сюда всего час назад, нервно ходил взад-вперед по зданию аэропорта.

Он еще издали узнал Луиджи и облегченно вздохнул.

– Все-таки успел.

Они сошлись вместе и понимающе кивнули друг другу.

– Ты еще не был у Таамме? – спросил Мигель.

– Нет, а что?

– Связник провален.

– А ты откуда знаешь?

– Моррисон успел сообщить, что линия связи ненадежна. Прибегает к резервному варианту.

– Значит, Таамме…

– Убрали, – подтвердил Гонсалес. – Как и Фогельвейда.

– И Фогельвейда? Это точно?

– Все в шифровке. Кстати, Фогельвейда убили именно здесь, в аэропорту.

– А Моррисон, а Роже?

– Они должны были встретиться по резервному каналу связи в порту. Оба замолчали.

– Думаешь, провален и этот вариант?

– Я ничего не думаю. Просто говорю как есть.

– У тебя очень усталый вид. Ты что, не спал сегодня?

– И почти ничего не ел. Со вчерашнего дня дежурил неотлучно у дома Таамме, подстраховывая тебя, боялся, что полезешь к нему, а там наверняка засада – я видел тени, мелькавшие за занавесками.

– Спасибо. – Они обменялись крепким рукопожатием.

– Я твой должник, – добавил Луиджи, – кстати, когда ты туда приехал?

– Часам к девяти.

– Значит, это ты стоял под навесом, в конце улицы?

– Да. А ты заметил?

– Еще бы не заметить твоей фигуры. А почему не пришел в гостиницу?

– Так ведь боялся. Пока я поеду в гостиницу, ты сможешь приехать к Таамме, вот и торчал там. Ушел оттуда только час назад, убедившись, что ты не придешь. Успел только побриться и сразу сюда. Кстати, а почему ты не поехал сегодня к Таамме?

– Координатор запретил. Он вышел на связь и отменил встречу.

– Вы что, виделись?

– Нет. Он оставил у меня в номере записку.

– Здорово, – рассмеялся Мигель, – и ты не узнал, кто заходил?

– Нет. Никто ничего не видел.

– Профессионально. Кстати, где Дюпре, уже прошло десять минут.

– Подождем до половины шестого и поедем в Чилилитан, на резервный вариант, я уже ничему не удивлюсь, – пробурчал Луиджи.

– Я тоже. Здесь все непредсказуемо. Ничего не знаешь, ничего не предполагаешь. Ситуация просто изумительная. Даже не знаешь, кто против нас. Ну, теперь, думаю, узнаем. Раз координатор вышел на связь, он нам наверняка объяснит, что творится в этом богом забытом районе.

– Понравилось хоть в Богоре?

– Ничего городишко. Людный, шумный, приветливый.

– Все спокойно?

– Как будто ничего страшного не было.

– А донесение изъял спокойно?

– Да. Все абсолютно спокойно. Красивые улицы, прекрасный Ботанический сад, приветливые мужчины, симпатичные девушки…

– Девушки, – вздохнул Луиджи.

– А что?

– Вчера нарвался на одну…

– Следила?

– Да нет, я не об этом. В другом смысле нарвался…

– А… Ну и…

– Отшила.

– Так тебе и надо. На работе – и личные дела.

– Какая женщина! – вздохнул Луиджи.

– Неужели полинезийка?

– Сам ты… полинезийка. Она американка.

– И, конечно, миллионерша, – подмигнул Гонсалес.

– Из Голливуда.

– Все. Поздравляю. Вот теперь у нас настоящий детектив. Жуткие убийства, секретные агенты, смертельные трюки, очаровательные миллионерши-актрисы. Словом, все, что надо. Полный комплект. Потрясающее зрелище.

– Увидишь ее – поймешь.

– Посмотрим. Уже половина шестого. Я начинаю беспокоиться.

– Вон он идет. – Минелли кивнул в сторону.

Им навстречу шел Дюпре. Но какой Дюпре! На нем были потертые джинсы, желтая майка с головами каких-то типов, короткая легкая курточка и кинокамера, висевшая через плечо. «Венус», догадался Мигель. Он вложил пистолет в камеру.

– У него в руках сигаретная коробка, – встревожился Луиджи.

– Вижу. Спокойно наблюдаем. Бери чуть правее.

Шарль подошел к стойке и что-то, улыбаясь, стал объяснять. Хочет вернуть билет, понял Гонсалес. Девушка, сидевшая за столиком, рассмеялась и, кивнув головой, стала что-то быстро писать, принимая от Дюпре его билет. Шарль еще раз подмигнул ей и направился к выходу, не оборачиваясь. От соседних стоек сразу оторвались двое парней и поспешили за ним.

Мигель, не теряя из виду Дюпре, сблизился с Луиджи.

– Видел?

– Да.

– Ты на машине?

– Взял в гостинице «Форд».

Они вдвоем вышли из здания. Дюпре остановил такси. Его преследователи бросились к стоявшей тут же «Тойоте» с еще двумя пассажирами.

– Четверо.

– Вижу.

Такси плавно тронулось. «Тойота», взревев, двинулась следом. Гонсалес и Минелли бросились к машине. Луиджи, сев за руль, принялся выжимать сцепление.

– Стой, – остановил его Мигель, – смотри!

Следом за «Тойотой», поднимая облако пыли, быстро выруливал «Мерседес» еще с двумя пассажирами явно европейского происхождения.

– Это уже цирк.

– А кто это?

– К черту. Здесь ничего не разберешь. Давай быстрее за ними.

По узким улицам Джакарты двигались целой процессией. Вначале такси с Дюпре, следом «Тойота» с четырьмя азиатами, за ними «Мерседес» с двумя типами, и, наконец, замыкал кавалькаду «Форд» Луиджи. Автомобили ехали на небольшом расстоянии друг от друга, боясь потеряться в этой сутолоке.

– Что он там натворил, представляешь, Луиджи? Целый муравейник так разворотил, что ему и устроили это «факельное шествие».

Минелли кивнул головой.

– Они держат путь на окраину города. Постарайся не терять их из виду. Дюпре надо оторваться.

Мимо мелькали кварталы Джакарты. Машины шли на небольшой скорости по ровной шоссейной дороге.

– Пора, – решил Мигель, – начинай!

Луиджи, резко увеличив скорость, пошел на обгон. Гонсалес вытащил из кармана свой миниатюрный фотоаппарат, искусно сделанный по специальному заказу. «Мерседес», чуть увеличив сначала скорость, затем отстал, и Мигель успел сделать снимки любопытных пассажиров этой машины. «Форд», не

сбавляя скорости, догнал «Тойоту», и Гонсалес щелкнул еще несколько раз.

– Готово, – объявил он. – Теперь дай возможность Дюпре исчезнуть.

Резко крутанув руль, Луиджи вклинился между такси и его преследователями и сразу же стал сбавлять скорость. Узкая улица не давала возможности объехать их машину, и задние автомобили поневоле тоже стали гасить скорость. Водитель «Тойоты» резкими сигналами выражал свое недовольство, но Луиджи держался так, словно он, впервые приехав в Джакарту, не понимает, куда попал, и едет медленно, боясь заблудиться в этом огромном городе. У светофора он вдруг стремительно взял влево, и «Тойота» царапнула об их борт. «Мерседес» замер в десяти метрах, не доезжая. Луиджи, выругавшись, вылез из машины, всем своим видом показывая, как он расстроен. Но пассажиры «Тойоты» криками принялись подгонять его, показывая «проезжай». Луиджи пошел извиняться, шофер «Тойоты», не выдержав, выскочил из машины и принялся кричать на скверном английском: «Вперед, вперед езжай».

Мигель оглянулся. «Мерседес», дав задний ход, пытался выскочить через другую улицу. Давай, давай, весело подумал Гонсалес, ищите Дюпре, так вы его и нашли. Луиджи, продолжая разговаривать с шофером «Тойоты», не спеша сел в машину и так же медленно, несмотря на дикие мольбы и завывания сзади, тронул с места. На углу, где было чуть пошире, «Тойота», рванув вперед, исчезла.

– Пусть теперь поищут, – рассмеялся Луиджи.

– Все-таки надо быть осторожнее. Запомнят номер, узнают гостиницу, где ты брал машину, выйдут на нас, если, конечно, что-нибудь заподозрят. Дюпре наверняка придет на встречу с координатором в твой отель. Я еду с тобой. Пора наконец узнать, что здесь происходит.

«Ангкатан берсенджата». Джакарта

«В последнее время число зарегистрированных наркоманов катастрофически растет. Как нам сообщили в отделе по борьбе с наркотиками, только за

последние два месяца число преступлений, совершенных наркоманами, возросло в два раза. Более всего волнует тот факт, что большинство из совершивших эти преступления – молодежь в возрасте до 25 лет. Полиция пытается как-то пресекать торговлю наркотиками, однако все ее действия до сих пор малоэффективны. Торговля не только процветает, но и, похоже, захватывает в свои сети все новых и новых клиентов. Несмотря на ряд крупных успехов военной полиции, за истекший год наркомания не пошла на убыль. Как заявил один из офицеров отдела по борьбе с наркотиками, их усилия недостаточно эффективны, так как задержать удается лишь десятую часть всего перевозимого груза.

Похоже, что эта страшная зараза поражает все слои нашего общества. Мы можем встретить наркоманов и в фешенебельных районах Джакарты, и среди армейских офицеров, и среди чиновников, и даже в лепрозориях, где несчастные люди пытаются забыть о своей страшной участи. Общественность страны вправе требовать положить конец этим вопиющим фактам. Очевидно, что полиции нужно разработать более жесткие меры по контролю, а министерству юстиции и военным трибуналам дать указание о применении более суровых законов по отношению к провинившимся наркоманам.

Только общими усилиями можно пресечь эту волну «белой смерти», наступающую на нашу страну».

Джакарта. День десятый

Луиджи возмущался. Он просто кипел от негодования. Вот уже десять минут как миссис Дейли, войдя в бар, сидит за стойкой, а эти два чертовых импотента даже не повернули головы. Шарль вообще сидит к ней спиной, не оборачиваясь, а Мигель скользит по ней таким равнодушным взглядом, словно он осматривает новую мебель этого зала. Наконец Луиджи просто не выдержал. Грубо нарушая служебные инструкции, он подошел к Гонсалесу.

– Американец? – спросил он, улыбаясь. Мигель отрицательно покачал головой.

– Посмотри, вон там, это она, – тихо прошептал Луиджи, отходя. Гонсалес скользнул равнодушным взглядом, пожал плечами.

– Ну и дурак, – пробормотал Минелли и подошел поближе.

– Мадам разрешит? – спросил он.

Она повернулась к нему.

– О! Мистер… Шелтон. Мистер детектив…

Еще издевается. Луиджи улыбнулся.

– Детектив на отдыхе.

– Я бы не сказала. Вы начали весьма ретиво.

– Что вы! Я еще только приступаю. Убежден, со временем вы полностью оцените мои способности.

– Вы снова переходите на итальянские комплименты?

– Нет, я уже понял, что вы абсолютно равнодушны к латинянам.

– И к нахалам.

– Конечно. Безусловно, миссис Дейли.

В бар кто-то вошел. Шарль продолжал спокойно сидеть, лишь положил кинокамеру поближе, под руку. Мигель отодвинул стакан, но левая рука выбивала пальцами дробный стук, впрочем, это лихорадочное постукивание не выдавало его волнения. Луиджи, не прекращая беседы с миссис Дейли, незаметно рассматривал вошедших. Ничего интересного. Пара стариков, видимо, европейские туристы. За ними семенил низкорослый, маленький, очень сухонький человек, вероятно, местный житель. Индонезиец был в белом, застегнутом наглухо костюме. У самой стойки он, вдруг изменив направление, двинулся к Дюпре. Мигель повернул голову, Луиджи насторожился. Внимание! Шарль внимательно смотрел на индонезийца. Тот наклонил голову и что-то сказал.

Дюпре кивнул головой. Индонезиец сел. Оба собеседника пристально разглядывали друг друга. Мигель и Луиджи не спускали настороженных глаз с вошедшего. Достаточно ему сделать неосторожное движение, и оба они окажутся на месте. Они слишком хорошо подготовлены, чтобы на расстоянии пяти-семи метров не суметь «нейтрализовать» человека. Нет, кажется, до этого дело не дойдет. Дюпре о чем-то беседует с незнакомцем.

Вот тебе и координатор, разочарованно подумали помощники регионального инспектора. Напряжение несколько спало, но оба были настороже. Луиджи даже позволил себе, не спуская глаз со столика Дюпре, обратиться к своей спутнице:

– Неужели у меня нет никаких шансов?

– Увы, – отозвалась она, все так же посмеиваясь. – Никаких. – И, не поворачивая головы, она вышла из бара. Минелли не посмел проводить ее взглядом, твердо помня заповедь «голубых» – иногда доли секунды решают все. Он не отрывал глаз от собеседника Дюпре.

Внезапно тот встал. Луиджи моментально вскочил со своего места. Гонсалес выпрямился. Все-таки это – координатор. Шарль следует за ним. Похоже, они сейчас выйдут из бара. Гонсалес показал глазами Минелли. Тот понимающе кивнул, бросил бумажку на столик, быстро вышел из бара. За ним спокойно, не торопясь, вышли Дюпре и индонезиец. Мигель допил свой стакан и окинул взором помещение. Вслед за ним пока никто не выходил. Значит, все в порядке. Он еще раз осмотрелся и вышел из бара. Двери лифта уже закрывались, когда Гонсалес втиснулся в него. Луиджи предусмотрительно остался в холле отеля. Система взаимной подстраховки была отработана до автоматизма.

Кроме Дюпре и его спутников, в лифте было еще несколько человек, но Мигель, оттесненный в угол, не спускал глаз с индонезийца, благо, его небольшой рост позволял ему видеть всю кабину. Он настороженно вглядывался в спокойное, непроницаемое лицо азиата.

Лифт замер. Сначала вышел Дюпре, за ним его попутчик. Уже когда дверцы закрывались, выскочил Мигель. Оглядел коридор. Кажется, все спокойно. Никого нет. Он быстрыми шагами принялся догонять ушедших. Ковер заглушал его шаги, но индонезиец вдруг резко отпрянул в сторону и обернулся к нему. Мигель, несмотря на всю свою выучку, успел лишь сделать шаг назад. Оба

застыли неподвижно. Дюпре рассмеялся.

– Молодцы. Действовали отлично. Это мой помощник – Мигель Гонсалес. Это, – представил он своего спутника, – Чанг Са – помощник генерального координатора зоны.

В глазах индонезийца не отразилось ничего. Гонсалес протянул руку.

– Будем знакомы. Хорошо еще, что не начали стрелять.

Чанг Са неопределенно мотнул головой и двинулся дальше. Через минуту оба сидели в большом просторном номере. Дюпре достал из кармана небольшое устройство и положил на стол. Мигель улыбнулся. Скэллер. Он хорошо знал эту аппаратуру. Специальное устройство позволяло полностью исключить всякую возможность подслушивания [4 - Обращаю внимание, что такие устройства имеют не только почти все агенты «голубых», но и большинство политических деятелей во многих странах мира. Устройства различаются в зависимости от способа применения, зачастую их подключают к телефонным аппаратам. Судя по всему, Дюпре пользуется наиболее мощным типом «СХ-3». (Прим. авт.)]. Дюпре обратился к Чанг Са:

– Где координатор?

– Я здесь, господа, – раздался за их спинами уверенный голос.

Оба обернулись. И оба ошалело смотрели на стоящую перед ними женщину.

– Миссис Дейли?

– Генеральный координатор зоны Элен Дейли, – она кивнула головой.

– Вы, вы генеральный координатор зоны? – Мигель постепенно стал приходить в себя. – А Луиджи? Ах да, это вы, значит, предупредили его.

– Да, мистер Гонсалес, но, к сожалению, ваш товарищ вместо того, чтобы идти в свой номер, зашел в чужой и едва не поплатился за это. Кстати, где он?

Гонсалес усмехнулся.

– Сейчас я его позову, – сказал он, исчезая в дверях и едва сдерживая смех.

Дюпре подошел поближе.

– Вы наш координатор?

– Да. Я введу вас в курс дела. О ваших приключениях я уже знаю.

Шарль, подняв руку, покачал головой.

– Прибыв сюда, я начинаю опасаться, что это были лишь незначительные происшествия, а настоящие приключения еще впереди. Хотя, к счастью, группа прибыла в полном составе.

– Можете считать, что действительно к счастью.

Раздался громкий стук в дверь. Чанг Са, неторопливо направившись к дверям, открыл их. Мигель втолкнул Луиджи в номер.

Луиджи сделал несколько шагов и замер. Элен Дейли стояла в кабинете у окна. Рядом находился Дюпре.

– Вы, миссис Дейли?..

– Да. Наш генеральный координатор, – раздался у его уха голос Мигеля.

Минелли перевел растерянный взгляд на стоявших. Оба товарища с трудом удерживались, чтобы не рассмеяться, и отводили глаза. Лишь Чанг Са стоял, недоуменно разглядывая Луиджи. Тот тряхнул головой и что-то негромко пробормотал – вероятно, выругался.

– Луиджи Минелли, второй помощник регионального инспектора, номер «Д-54», – отчеканил он, щелкнув каблуками.

Элен Дейли смотрела на него, прищурив свои большие голубые глаза.

– Не так официально, мистер Минелли, не так официально. Это ведь вы хотели всего полчаса назад продемонстрировать свои способности?

Гонсалес прыснул со смеху. Шарль отвернулся. Луиджи, видя, что все вокруг смеются, рассмеялся и сам.

– И все-таки я был прав, миссис Дейли. Теперь я смогу демонстрировать свои способности в большей мере, – сказал он уверенно.

– Думаю, как раз теперь у вас будет такая возможность, – согласилась с ним Элен Дейли.

– Так это вы оставили записку, запрещавшую мне посещение дома Таамме?

– Да.

– Спасибо.

– Не стоит. Садитесь за стол, господа. Чанг, включите музыку. Хотя, – добавила она, улыбаясь, – здесь всего одна дама и четверо мужчин, но, думаю, мы найдем общий язык.

Номер наполнился звуками музыки. Это делалось для особо заинтересованных, которые могли, не доверяя аппаратуре, попытаться подслушать напрямую в соседнем номере или у дверей.

– Итак, что вам удалось установить? – спросила она у Дюпре уже совершенно другим, сухим и жестким голосом.

– Моррисон сообщил, что Фогельвейд и Таамме убиты. Вот его шифровка. На вокзал он не пошел. Написал, что использует резервный вариант. По нему он должен был встретиться в порту с Роже. Но ни следов Роже, ни следов Моррисона мне обнаружить не удалось. Нашего связника тоже не оказалось на месте в порту. Когда стал наводить справки, обнаружил массу желающих познакомиться со мной лично. С трудом оторвался. Коротко – все.

Элен кивнула головой.

– Теперь послушайте наши данные. Фогельвейд застрелен в аэропорту. Убийца стрелял в тот момент, когда он сходил с трапа самолета. Стрелявшего так и не нашли. Таамме исчез и уже третьи сутки не выходит на связь. Чангу удалось установить, что у него в доме постоянно живут трое «гостей», явно ожидая кого-то из нас. Роже был убит в порту.

– Как убит? – встрепенулся Луиджи.

– Жестоко. Уши и горло ему залили раскаленным свинцом. Здесь так поступают с агентами полиции.

– Сволочи, – Минелли, не выдержав, отвернулся, – подонки.

Элен подняла глаза на Дюпре.

– Они были друзья, – тихо шепнул он. Координатор повернулся к Минелли.

– Извините, Луиджи, я не знала. Вы еще рассчитаетесь с его убийцами. Даю вам слово, что у вас будет такая возможность.

– Наш связник в порту тоже провален? – спросил Дюпре.

– Да. Его убрали еще пять дней назад.

– Значит, утечка информации?

– Была, – согласилась Элен, – и это кто-то из отдела контроля нашей зоны. Об операции знали несколько человек. Вот почему мы обязаны установить, кто именно виноват в гибели наших товарищей.

– А Моррисон?

– С ним сложнее. Он не появлялся в порту. И вообще в Джакарте его никто не видел. Что с ним, нам пока установить не удалось.

– Значит, оба связника и двое из трех членов группы Фогельвейда убиты. И это уже точно установлено, – подвел итог Дюпре.

– Видимо, так. Боюсь, что в этот список надо занести и Моррисона. Он наверняка замолчал навсегда. Будем исходить из худшего варианта.

– Со своими разобрались. Теперь меня мучает любопытство: кто противники, кто они? – спросил Мигель.

– Нам уже удалось установить кое-что. Очень помогла служба Интерпола, да и наши люди на местах проявили завидную настойчивость. Чанг, – обратилась Элен Дейли к своему помощнику, – дайте мне документы.

Последний, молча наклонив голову, вышел и принес маленький чемоданчик, столь хорошо знакомый нам по Белграду.

«Запрограммирован на уничтожение», – определил Дюпре наметанным глазом.

Элен, отключив автомат, доставала бумаги.

– Немного истории, господа, – начала она. – Вам, безусловно, известно, что район «С-14», куда вы изволили попасть, всегда пользовался дурной славой, и агентам, работавшим здесь, приходилось нелегко. Однако до недавнего времени здесь не было той проблемы, ради которой, собственно, наше руководство и посылает сюда группы. В стране возник наркоцентр, «белая смерть» из которого быстро расползается по всему миру.

– Опять наркотики, – пробурчал Мигель.

– Пропади они пропадом, – чертыхнулся Луиджи.

Миссис Дейли продолжала:

– Да, «белая смерть», или наркотики, как вы сказали. В последнее время количество поступающих из Индонезии грузов с наркотиками растет неимоверно. Естественно, это привлекает внимание и Интерпола, региональных

организаций, и Организации Объединенных Наций, которая не может остаться безучастным наблюдателем подобного состояния дел. Я беседовала на эту тему с представителями Интерпола. Беда в том, что это не совсем обычный путь для вывоза героина. Обычно его вывозили из Сингапура, Гонконга, Рангуна, Бангкока, и лишь ничтожная часть, так сказать, «для местных нужд», поступала в Джакарту. Теперь положение изменилось, и изменилось к худшему. Должна отметить, что, к сожалению, мы все еще не можем перекрыть поступление наркотиков из так называемого «Шанского государства». Добываемый там опий зреет в недоступных горах, на стыке четырех государств – Таиланда, Бирмы, Лаоса и Китая. Понятно, что попасть туда практически невозможно. Наше руководство, правда, посылало туда две группы, но обе замолчали еще до истечения их срока действия. Лишь однажды удалось попасть в этот район. Под видом английских кинооператоров двое – Одриан Кауэлл и Крис Менжес сумели проникнуть в это «горное государство». Один из них выполнял специальное задание «голубых». Им удалось вырваться оттуда чудом, да и то лишь спустя два года, но они смогли дать довольно исчерпывающую информацию о положении в этом районе.

– «Золотой треугольник»? – недовольно заметил Дюпре. – Да. Вот, кстати, его хозяева, рекомендую познакомиться, – и миссис Дейли достала несколько фотографий. – Китайский генерал, командир бывшей гоминьдановской дивизии Ли Веньгуань. Его заместитель – генерал Дуань Шивень. Это Лой Мау – глава отряда гонконгской мафии. А это Сан Му Тсанг – глава отряда шанских сепаратистов, тоже довольно известная личность. Мо Хейи – лидер так называемого «Шанского государства». Кхун Сы – один из опиумных королей «треугольника». И, наконец, человек, «традиционно» опекающий наш район, Ло Хсинь Хан [5 - Все имена подлинные.]. Это именно он, как ни странно, привлек наше внимание к этому району. Его люди уже третий месяц пытаются убрать вновь появившихся конкурентов, но, похоже, это им пока не удается. Более того, по сведениям местных властей, местная триада даже побеждает в этой «опиумной войне» против Ло Хсинь Хана.

– Значит, обладает реальной силой, – заметил Мигель.

– Судя по всему – весьма. Сеть этой триады, называемой, как нам удалось установить, «Черные мечи», очень разветвлена. Ее люди проникли в государственные и полицейские органы не только Индонезии, но и Малайзии, Сингапура, Папуа – Новой Гвинеи, поддерживают тесные связи с сингапурской и таиландской мафией. Они держат под своим фактическим контролем

практически всю зону. Судя по всему, их число уже превысило семьдесят тысяч человек. И самое главное, что наркотики вывозятся именно отсюда, из Индонезии, и, более того, именно здесь опиумный мак перерабатывается в героин и уже затем в готовом виде доставляется на рынки Нью-Йорка, Амстердама, Лондона, Мехико.

– Итак, триада умудрилась создать в этом секторе еще один «золотой треугольник», – подвел итог Дюпре.

– И не только создать, но и успешно конкурировать. Но… и это еще не все. В последнее время в городе, особенно в порту, активизировались мелкие торговцы наркотиками и перекупщики. Такое ощущение, что ими кто-то руководит. Причем руководит умело, направляя их по кабакам города, по наиболее злачным местам так, чтобы они не мешали друг другу. Вот почему индонезийское правительство через своего представителя в ООН обратилось к Генеральному секретарю с просьбой прислать сюда группы «голубых». Группа Фогельвейда прибыла, и вы уже знаете, чем это кончилось. Следовательно, «Черным мечам» каким-то образом удалось получить доступ и к нашей информации. Все это делает триаду опасной, так что перед нами стоят трудные задачи.

– Правительство Индонезии дало согласие? – спросил Дюпре.

– Да. Более того, мой заместитель Чанг Са – офицер военной полиции Индонезии. Думаю, поддержка местных властей гарантирована, – она кивнула в сторону невозмутимо молчавшего индонезийца.

– Что еще известно о триаде? – спросил мрачный Луиджи.

– Практически очень мало. Нам пока лишь удалось установить, что это ее люди убили Фогельвейда и Таамме. Кстати, в доме Таамме дежурят именно «Черные мечи», а, как вам известно, там находится тайник. Раз до сих пор не был «засвечен» тайник Моррисона в Богоре, то у нас есть все основания предполагать, что триада не знает и о тайнике Таамме. Следовательно, необходимо проникнуть в дом Таамме и вскрыть этот тайник.

– Нам удалось заснять преследователей Дюпре, вот их фотографии, – и Мигель положил на стол несколько фотоснимков.

Элен Дейли внимательно просмотрела их.

– Нет, – решительно сказала она. – Я никого из этих людей не знаю. Чанг, – обратилась миссис Дейли к своему помощнику, – пожалуйста, возьмите эти фотографии и через свои каналы выясните, имеют ли эти люди отношение к «Черным мечам». – Чанг Са молча кивнул головой.

– Источники финансирования триады тоже не удалось установить? – Дюпре недовольно постукивал пальцами по столу.

– Практически нет. Лишь недавно выяснилось, что «Черные мечи», как, впрочем, и группы таиландской мафии, финансировались банком «Ньюген-Хэнд», расположенным в Австралии.

– Руководители банка дали показания?

– Президент банка Фрэнк Ньюген был найден мертвым в своей машине на окраине Литгору, в 140 километрах от Сиднея. Полиция решила, что это самоубийство. Его компаньон Майкл Хэнд бесследно исчез. Как видите, и здесь никаких следов.

– Здорово! – Мигель не удержался от восклицания. – Мне теперь не терпится проникнуть в дом Таамме и познакомиться с этими молодчиками.

– И вскрыть его тайник, – напомнила миссис Дейли.

– И это тоже, – согласился Гонсалес.

– Думаю, вас встретят «гостеприимно». Лишнего шума, однако, производить не следует. Продумайте операцию во всех деталях.

– Время?

– Завтра ночью. – Элен Дейли захлопнула папку с документами, положила ее в чемоданчик. Замок громко щелкнул. Она приподняла голову и улыбнулась: – Сообщу генеральному комиссару: встреча состоялась. Группа прибыла на место в полном составе. Приступаем к выполнению задания.

«Эйшауик». Гонконг

«Когда 35-летний сиднейский банкир Фрэнк Ньюген был найден мертвым в своем „Мерседесе“ на одном из пригородных шоссе Нового Южного Уэльса, даже самый опытный сыщик не мог представить себе, какие интриги и махинации начнут всплывать в этом на первый взгляд простом деле…

Сведения о том, что Ньюген и Хэнд наживались на торговле наркотиками, появились в досье австралийской полиции в середине 70-х годов, после того как банк перевел крупные суммы из Австралии в Гонконг для покупки быстроходного судна, которое вскоре было задержано у берегов США с пятью тоннами марихуаны на борту, стоимостью более 46 миллионов долларов. Одно из отделений банка располагалось непосредственно в районе «золотого треугольника», на севере Таиланда, в Чиангмае. Оно было создано для того, чтобы легализовать финансовые операции, связанные с продажей наркотиков. Руководил ими директор конторы «Ньюген-Хэнд» в Бангкоке, который, как стало известно позднее, занимал одновременно пост резидента ЦРУ в Таиланде.

В ходе ведущегося расследования также выяснилось, что Ньюген поддерживал тесные контакты с подпольным австралийско-новозеландским синдикатом, шеф которого был найден мертвым в каменоломнях Великобритании в конце 70-х годов. Он осуществлял ввоз героина в Соединенные Штаты из «золотого треугольника»…

Проезжая по шоссе, полицейский патруль обнаружил в 4 часа утра машину Ньюгена неподалеку от города Литгору, в 140 километрах от Сиднея. Ее владелец, бездыханный, сидел за рулем. Между ног у него была зажата крупнокалиберная винтовка армейского образца. Правая рука Ньюгена лежала на спусковом крючке. Комиссия, созданная по инициативе двух страховых компаний, утверждала, что поза директора банка указывает на его самоубийство. Однако у полиции на этот счет имелись другие соображения. В одной из Библий, найденных в машине Ньюгена, была записка, в которой скорописью было выведено имя бывшего директора ЦРУ Уильямса Колби. Визитная карточка шефа американской разведки была обнаружена в кармане убитого, на ее обратной стороне имелся набросок маршрута предстоящей поездки Колби в Азию.

Узнав о смерти своего партнера, Хэнд вылетел в Австралию. Полиции он заявил, что «Ньюген обманул банк на крупные суммы» и тем самым вызвал его банкротство. Но он также настаивал на том, что его партнер «сильный человек», который не стал бы кончать жизнь самоубийством даже перед лицом финансовой катастрофы.

Однако Хэнд не сказал следствию всей правды. Между тем, согласно показаниям бывшего директора австралийского банка Стивена Хола, перед тем как началось расследование, Хэнд приказал работникам фирмы до приезда полиции уничтожить документы компании. «Иначе полетят головы многих», – объяснил он. Большая часть документации банка была уничтожена, другие бумаги бесследно исчезли. Дав показания полиции, Хэнд уехал из Сиднея с фальшивым паспортом, наклеив бороду. Как сообщил один информатор «Бюро по борьбе с наркотиками» в Австралии, Ньюген и Хэнд не только занимались махинациями с героином, но и выполняли ответственные поручения ЦРУ в различных районах мира…

Майкл Хэнд – единственный человек, который мог пролить свет на тайну банка, но и он пропал с тех пор, как два года назад его заметили в Нью-Йорке. Один из австралийских банкиров, Джон Брайен, считает: «Совершенно очевидно, что дело Ньюгена связано не только с контрабандной торговлей наркотиками и оружием. Здесь пахнет ЦРУ…»

Часть II

ДОРОГА В АД

ГРУППА ИНТЕРПОЛА «ДУБЛЬ С-14»:

Региональный инспектор Шарль Дюпре, его первый помощник Мигель Гонсалес, его второй помощник Луиджи Минелли. Генеральный координатор зоны Элен Дейли, ее специальный помощник, офицер военной полиции Индонезии Чанг Са.

Джакарта. День одиннадцатый

Теплая летняя ночь, опустившаяся над Джакартой, расслабляла мускулы и тянула ко сну. Но повсюду еще слышались голоса, горели огни, сновали машины. Суета большого города не прекращалась ни на минуту. Казалось, что город не засыпает никогда.

Четверым в машине было не до сна. Луиджи и Чанг Са сидели впереди. Дюпре и Мигель сзади. Минелли, протянув руку, включил радио, и легкая музыка заполнила салон машины. На этот раз вместо «Форда» Луиджи взял «Метеор» [6 - Автомобили марки «Метеор» изготовляются американской компанией «Форд» по лицензии японской фирмы «Тое коге».], причем зарегистрировался в соседней гостинице. Решение ехать на одной машине принял Дюпре. Он, конечно, понимал рискованность подобного предложения, но резонно рассудил, что на тихой улочке Кебайорана появление сразу двух машин одновременно у дома Таамме или рядом с ним может привлечь ненужное внимание и возбудить подозрение. Тем более что людей у него было совсем немного и трое из четверых должны были принять участие в предстоящей операции, Луиджи должен был остаться за рулем. Несмотря на возражение Минелли, Дюпре решил, что ему надо несколько поостыть, так как со вчерашнего дня Луиджи, узнавший, как убили Роже, или Марселя Санторо, как он его называл, не находил себе места. Да и, кроме того, Мигель плохо водил машину, а Чанг Са был нужен в качестве местного жителя, знающего язык. Луиджи пришлось уступить.

С самого утра за домом следил Чанг Са. Он точно выяснил, что внутри находятся трое посторонних и за все время к дому лишь раз подъезжала машина и какой-то шофер выгружал коробки, вероятно, продукты для находящихся там «гостей Таамме».

В особняке явно ждали визитеров. А сами «визитеры» сидели в машине и неторопливо переговаривались. Кроме Луиджи, никто не курил, и ему пришлось поневоле выбросить сигарету. Машина стояла в самом конце улицы. Дюпре еще раз посмотрел на часы. Было половина второго ночи.

– Начнем, – скомандовал он, – Чанг, надевай.

Индонезиец кивнул головой, вынул из кармана небольшую черную коробку. Открыл ее и достал оттуда полукруглую пластинку. Закатав левый рукав, он

нацепил пластинку на руку, затем, проверив, все ли в порядке, осторожно спустил рукав и, нажав какую-то кнопку через плотную ткань материи, тут же отдернул пальцы. Пробивая ткань пиджака, бесшумно выползла длинная, более тридцати сантиметров, игла. Если бы не темно-синий платок, который Чанг Са держал рядом, игла была бы и вовсе не видна, настолько тонкой ниткой она пролегала по платку.

Луиджи, опасливо покосившись на иглу, отодвинулся. Он знал это новое оружие. Достаточно было задеть человека иглой, и через несколько секунд тот падал без сознания, полностью парализованный. В зависимости от дозы увеличивался эффект. (К сожалению, этим приемом стали сейчас пользоваться не только «голубые». В печати промелькнуло сообщение, что некоторые разведки капиталистических стран вместо парализующего яда вводят в иглу даже смертоносный. Как часто технический прогресс превращается в регресс нравственности! Оружие, предусмотренное и придуманное специально для борьбы с преступным миром, стало орудием преступления против невинных людей.)

Снова нажав кнопку под пиджаком, Чанг убрал иглу.

– Пошли, – скомандовал Дюпре. Он и Мигель, выйдя из машины, двинулись по разным сторонам улицы. Чанг Са вышел спустя несколько секунд и тоже зашагал в направлении дома Таамме.

Наверное, куда легче было бы сообщить об этой банде в местную полицию и, дождавшись, когда арестуют этих молодчиков, спокойно вскрыть тайник. Но «голубые» слишком хорошо знали подобные ситуации. Зачастую в органах полиции оказывались нераспорядительные, но очень настойчивые люди. Они, обыскивая дом, находили тайник (если его, конечно, не находили сами преступники) и забирали все документы. На выяснение отношений с местными органами и на всякие формальности уходило столько времени, что группам приходилось тратить больше времени на переговоры с представителями власти, чем на саму операцию. Не говоря уже о том, что среди полицейских просто мог оказаться морально нечистоплотный человек или предатель.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Подготовка агентов включает в себя обязательное знание трех-четырех иностранных языков, однако в связи с большой загруженностью «голубые» просто не в состоянии знать все языки тех стран, куда им приходится вылетать по долгу службы. (Прим. авт.)

2

«К-37» – позывной Мигеля Гонсалеса.

3

«Д-54» – позывные Луиджи.

4

Обращаю внимание, что такие устройства имеют не только почти все агенты «голубых», но и большинство политических деятелей во многих странах мира. Устройства различаются в зависимости от способа применения, зачастую их

подключают к телефонным аппаратам. Судя по всему, Дюпре пользуется наиболее мощным типом «СХ-3». (Прим. авт.)

5

Все имена подлинные.

6

Автомобили марки «Метеор» изготовляются американской компанией «Форд» по лицензии японской фирмы «Тое коге».

Купить: https://tellnovel.com/abdullaev_chingiz/golubye-angely

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити